Как начинался застой?

П А Родионов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Заметки историка партии. Несмотря на то, что автор мемуаров лишь дважды лично встречался с Л.Брежневым, он достаточно точно рисует и описывает ситуацию, которая сложилась в КПСС, её верхушке, и кто на самом деле был вдохновителем упадка страны. Интриганство цвело пышными цветами в высших эшелонах партийной и государственной структурах.

«Знамя» № 8.

- П. А. Родионов

П. А. Родионов
Как начинался застой?
Заметки историка партии

С Брежневым я встречался не раз. В известном смысле даже являюсь его «крестником»: когда в конце 1963 года принимали решение рекомендовать меня на пост второго секретаря ЦК КП Грузии, я был у него на приеме дважды. Первая беседа была продолжительной, и о Брежневе у меня сложилось вполне благоприятное впечатление. В дальнейшем я встречался с ним еще, но особенно мне запомнилась встреча, которая состоялась в конце моего пребывания в Грузии.

Но сперва расскажу, что предшествовало ей. Положение в Грузии сложилось совершенно нетерпимое: коррупция, разложение кадров достигли здесь наибольшего расцвета. Это уже значительно позже Узбекистан, Казахстан, Туркмения да и соседние с ней республики отнимут у Грузии сомнительную «пальму первенства». Тогда, правда, еще не произносили слова «коррупция», термин этот был не в ходу, как, впрочем, и «мафия». Поэтому когда на теоретическом семинаре для республиканского партийного актива в сентябре 1969 года я сказал о том, что среди руководящих работников широко распространилось взяточничество, в том числе под видом дорогостоящих «подарков», и что на политическом языке это называется коррупцией, выступление вызвало буквально бурю.

На меня посыпались жалобы, и это понятно, ибо среди участников семинара было немало таких, на ком, что называется, «шапка горела». Атаковали, кстати, не только меня, но и тогдашнего министра внутренних дел Э. А. Шеварднадзе, который в отличие от своего союзного шефа Щелокова вел борьбу с коррупцией не на словах, а на деле.

Став впоследствии первым секретарем ЦК КП Грузии, Э. А. Шеварднадзе немало сделал для оздоровления морально-психологического и нравственного климата в республике. Правда, совсем пресечь коррупцию так и не удалось, но все же мздоимцы не могли теперь действовать так открыто и нагло. В то время, о котором я веду речь, они не были разборчивы ни в способах поборов, ни в способах борьбы с теми, кто им мешал. В ход шло все: и клевета, и угрозы (вплоть до убийства), и попытки «откупиться». По машине секретаря ЦК стреляли из пистолета, и стрелявший, кстати, так и не был установлен, зато в ход пошла

версия, что это, мол, «ребячьи шалости»…

Борьбу с коррумпированными элементами сильно осложняло то, что у жуликов и взяточников всегда находились сильные защитники, и не только внутри самой республики. Однажды в моем кабинете раздается звонок телефона правительственной связи (ВЧ). Абонент представляется: «С вами говорит Яков Ильич Брежнев». Представившись, стал просить за арестованного махровейшего жулика. Я ему ответил: «Извините, но я не имею никакого права вмешиваться и давить на следственные органы», а в ответ слышу: «Вы все можете, в ваших руках большая власть». В самой категорической форме я заявил звонившему, что никаких шагов на сей счет предпринимать не стану. Содержание нашей беседы передал первому секретарю ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе, который лишь сказал: «Это меня не удивляет. В другой раз адресуй его ко мне».

И до этого звонка доходили до меня слухи, что некоторые грузинские комбинаторы нашли дорожку к Я. И. Брежневу, однако не придавал значения этим разговорам. Слышал, что он большой поклонник Бахуса, впрочем, я и сам, встречаясь с ним на различных приемах в Москве, видел, что он активно прикладывается к рюмочке. Это уже потом, после Грузии, узнал я, что был он запойным пьяницей, что на своей работе в Минчермете лишь числился, отсутствуя иногда по 2–3 недели, и что на вопрос Л. И. Брежнева: «Где Яков?» — руководители министерства часто ничего не могли ответить. (Кстати, о похождениях Якова Ильича многое известно водителям гаража ЦК КПСС, которым приходилось развозить его по различным адресам даже после кончины венценосного брата. Много толков шло и идет по сей день о шикарной даче, построенной для Я. И. Брежнева в районе Барвихи. Нет ли там «долевого участия» любезно опекаемых им комбинаторов?)

Протекционизм, «телефонное право» принимали в Грузии массовый и открытый характер. В ряде партийных организаций шла торговля… партийными билетами, за прием в КПСС разного рода жулики, выдвигавшиеся затем на более высокие должности, давали крупные взятки. Получив сигналы о таких позорных фактах и убедившись в том, что они верны, мы в отсутствие Мжаванадзе, собрали бюро ЦК и строго наказали виновных, исключив кое-кого из партии. Решение, надо признать, было принято с большим скрипом, потому как некоторые члены бюро не желали «выносить сор из избы». Особенно сопротивлялся фаворит Мжаванадзе Чануквадзе, который рьяно защищал своего выдвиженца — тогдашнего первого секретаря Сухумского горкома партии, получившего в конце концов строгий выговор с

занесением в учетную карточку за злоупотребления, допущенные при приеме в ряды КПСС.

На моей памяти Мжаванадзе сменил несколько фаворитов, но этот последний оказывал наибольшее влияние на патрона. Коварный и хитрый, льстивый, действовал он зачастую и через домашних Мжаванадзе, особенно через его супругу, связывая «шефа» буквально по рукам и ногам. Когда же Мжаванадзе освободили наконец от занимаемой должности, первым от него отрекся не кто иной, как его могущественный фаворит Чануквадзе, имевший к тому времени большие связи в Москве. Его освободили от поста секретаря ЦК, подвергли острой критике (делегаты абхазской партийной конференции, к примеру, решительно отвергнув кандидатуру Чануквадзе на очередной съезд Компартии Грузии, откровенно сказали о его злоупотреблениях), тем не менее еще десяток лет он «ходил в министрах».

Добавлю ко всему этому, что мой преемник в Грузии Чуркин, один из героев дневников С. Н. Хрущева («Пенсионер союзного значения», «Огонек», №№ 40–44, 1988 г.), который на журнальном снимке стоит рядом с Медуновым, провожая Н. С. Хрущева из Сочи, — протеже все того же всесильного фаворита. Молва о Чуркине как о «великом комбинаторе» шла еще с тех пор, когда он был председателем Сочинского горисполкома, и вдруг, проработав какое-то время вторым секретарем Краснодарского крайкома, этот выученик и сподвижник Медунова прибыл в Грузию.

«Сам я товарища Чуркина не знаю, — представлял его Мжаванадзе на Пленуме ЦК, — но его хорошо знает Шота Чануквадзе. Посчитаемся с его рекомендацией». Большинство членов ЦК цену такой рекомендации знало хорошо, однако же проголосовали «за». И что же? Правоохранительные органы республики вскоре уличили Чуркина в крупных взятках. В числе вещественных доказательств оказался галстук из чистого золота, подаренный Чуркину бывшим директором фармакологического техникума Тодуа, у которого при обыске было обнаружено ценностей на 765 тысяч рублей. Чуркина же, хотя и исключили из партии, тотчас устроили на хорошую работу в Калинине.

Меня часто спрашивают: имеют ли реальную основу слухи о причастности Мжаванадзе и его супруги к коррупции? В свое время на сей счет я получал информацию из заслуживающих полного доверия источников и делился ею с руководящими товарищами из ЦК КПСС, но, поскольку делу не был дан ход, прибегать к каким-либо категорическим утверждениям не могу, памятуя к тому нее о презумпции невиновности. Но скажу другое.

Вскоре после моего переезда в Грузию чета Мжаванадзе пригласила меня и мою жену в гости. Жили хозяева скромно, одевались тоже. Однако прошло время, и все изменилось — у жены и дочерей первого секретаря стали появляться дорогостоящие наряды, украшения, стало входить в моду пышное празднество дня рождения супруги Мжаванадзе — «царицы Виктории», как ее называли, с приглашением большого количества гостей и преподнесением дорогостоящих подарков. И квартиру чета Мжаванадзе занимала теперь не в таком скромном, как раньше, особняке — заметно выделялся он и фасадом, и планировкой, и отделкой. Правда, был особняк на несколько семей, включая и семью последнего фаворита, но огромная квартира Мжаванадзе напоминала скорее антикварный магазин высшего класса, чем жилье. Вот такая метаморфоза за каких-нибудь несколько лет! К этому добавлю, что супруга «первого» стала бесцеремонно и, надо полагать, отнюдь небескорыстно вмешиваться в расстановку кадров в республике, определяя на престижные должности и «теплые местечки» людей из своей «личной номенклатуры».

Видя, что моя информация о положении дел в Грузии не находит должной реакции в аппарате ЦК КПСС, я обратился напрямую к Л. И. Брежневу и попросил принять меня. Он внимательно слушал мой рассказ, поощряя даже к большей откровенности, но только потом я понял, что сообщенные мною факты интересовали его не сами по себе, а нужны были как аргументы для устранения последнего из «мавров», сделавших свое дело: в свое время Мжаванадзе помог Брежневу устранить Хрущева, о чем я расскажу ниже…

Доводилось мне встречаться с Л. И. Брежневым и в иной обстановке, когда он посещал Грузию. Был он общителен, контактен, любил шутку и сам умел пошутить, особенно во время застолий. Мог вдруг разоткровенничаться. Насчет того, например, как тяжело ему носить «шапку Мономаха», что в голове под этой шапкой и ночью прокручивается все, над чем приходится думать днем. «А думать приходится ой как много и о многом!» Если отбросить позерство Брежнева, то на многих людей, которые с ним общались, он производил очень хорошее впечатление.

При всем том Брежнев принадлежал к числу людей, о которых в народе метко говорят: «Мягко стелет, да жестко спать». В прессе как-то попалась на глаза фраза о том, что сентиментальность Брежнева соседствовала с беспощадностью, что бархатные перчатки лишь прикрывали стальные кулаки. С этим я полностью согласен: Брежнев без колебаний убирал всех инакомыслящих, подслащивая при этом пилюлю. Не щадил он и

тех, кто был близок к нему, но сделал вдруг неосторожный, опрометчивый шаг, вызвавший неудовольствие патрона. Так оказался в опале Ф. Д. Кулаков, тогдашний член Политбюро и секретарь ЦК, ведавший вопросами сельского хозяйства (кстати, именно он покровительствовал Чануквадзе), впал в немилость С. М. Цвигун, который благодаря близости к Брежневу стал первым заместителем Председателя КГБ, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР и в числе очень немногих людей пользовался его особым доверием. Переменчивость Брежнева настолько потрясла Цвигуна, что он покончил жизнь самоубийством. Патрон же его и «благодетель» даже не поставил под некрологом свою подпись…

Вот вам и «отсутствие ярко выраженного честолюбия и властолюбия», как в одной из публикаций говорилось о Брежневе. Вот вам, наконец, и «пустой резиновый сосуд», как образно назвал Брежнева Федор Бурлацкий. Подобные характеристики, с моей точки зрения, расходятся с истиной.

Что касается отсутствия «ярко выраженного честолюбия» и «властолюбия», то многочисленные факты опровергают такой вывод. Относительно же «пустого резинового сосуда» тоже, по-моему, требуется кое-что прояснить. Если иметь в виду интеллект, эрудицию, остроту ума, то да, подобный образ, пожалуй, удачен. Брежнев в этом смысле был действительно посредственностью. И отнюдь не случайно он окружал себя, как правило, людьми серыми, чтобы выделяться на этом фоне. Он убирал тех, кто поумнее, поспособнее, проявляя при этом необычайную изворотливость, недюжинную хитрость, ловкость. Умело используя явную слабость демократических традиций в партии и в обществе в целом, он шаг за шагом укреплял свое положение в верхнем эшелоне власти. За многие годы Брежнев накопил опыт политического выживания, маневрирования в борьбе за власть, что особенно ярко было проявлено им при соперничестве с Ф. Р. Козловым и Н. В. Подгорным, главными его оппонентами. Многому, очень многому научился он и у Н. С. Хрущева, который в беседе с французским государственным деятелем Ги Молле назвал Брежнева одним из своих преемников. К тому времени Ф. Р. Козлов уже «сошел с дистанции», и Хрущев подыскивал на его место такого человека, который был бы предан ему лично. Известный западный советолог Поль Мерфи в своей книге «Брежнев — советский политик» не без основания писал, что вряд ли в партии был человек, преданный Хрущеву больше, чем Брежнев, без чего последний, разумеется, никогда не поднялся бы наверх. Однако своим поведением Брежнев стал не удовлетворять Хрущева, он проявлял определенную

независимость в суждениях, а порой даже и в действиях, что, конечно же, понуждало Хрущева искать ему противовес из тогдашних членов Президиума. Прежде всего он обратился к украинским кадрам. Кандидатуру Кириленко исключил с ходу, так как тот был слишком близок к Брежневу, а выбор свой остановил на Подгорном, поскольку в политическом отношении тот был более зависимым и, надо сказать, не в пример Брежневу менее честолюбивым. Брежнев воспринял этот шаг Хрущева весьма болезненно, что впоследствии и побудило его бороться за устранение Хрущева. Имея высокие полномочия в Секретариате ЦК, опираясь на свои кадры (в первую очередь днепропетровские и молдавские), которые при недогляде Хрущева он расставил на важнейших участках работы, в том числе в руководстве Вооруженных Сил и КГБ, Брежнев постепенно набирал силу. С определенного момента его поддержали Подгорный и Суслов, и вот эта-то троица и стояла во главе заговора против Хрущева, а не Шелепин, как ошибочно пишут авторы некоторых статей о том, как смещали Хрущева, хотя, конечно, и Шелепин играл существенную роль.

Волею обстоятельств я оказался в свое время посвященным во многие детали, связанные с подготовкой и проведением октябрьского Пленума 1964 года, на котором снимали с должности Н. С. Хрущева. Считаю необходимым вспомнить об этом сейчас, ибо события того года проливают свет и на биографию самого Брежнева, который сменил Хрущева на посту главы партии.

В последнее время появился ряд публикаций, авторы которых обоснованно свидетельствуют о том, что подготовка к Пленуму носила характер заговора. Среди таких публикаций в первую очередь хочу назвать дневники сына Хрущева — Сергея Никитича «Пенсионер союзного значения».

Хочу начать не с существа огоньковской публикации, а с изложения своего мнения о В. И. Галякове, одном из главных героев событий тех лет, который четверть века тому назад назвал имена участников сговора, а точнее сказать, заговора против руководителя партии и страны. Конечно, если говорить объективно, он делал доброе, политически важное дело, шел ради этого на огромный риск. И тем не менее с полной убежденностью считаю, что героя из него делать не следует. Попытаюсь объяснить, почему я так думаю. В свое время автор этих строк был с ним знаком. Запомнился он мне своим видом типичного служаки старой выучки, военной косточкой. На вопросы вместо «да» он неизменно отвечал: «Так точно». Откровенно выказывал преданность «хозяину» — Н. Г. Игнатову, которого я довольно

хорошо знал по совместной работе на Орловщине. Происшедшая с ним в дальнейшем метаморфоза кажется мне удивительной и труднообъяснимой. Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, задевающее лично Галякова, чтобы он решился нанести обожаемому шефу удар, которого он не ожидал. Причина, убежден, была очень серьезная. Сообщенные им в свое время сведения о готовящемся против Н. С. Хрущева заговоре, безусловно, верны. Основанием для столь категоричного утверждения, помимо всего прочего, служит и свидетельство самого Игнатова.

Будучи вторым секретарем ЦК Компартии Грузии, в одну из своих командировок в Москву (примерно год спустя после октябрьского Пленума ЦК) я позвонил Игнатову, чтобы, как говорится, засвидетельствовать свое почтение. В ответ услышал: «Ты, голубчик, что-то стал зазнаваться. Бываешь в Москве, а ко мне не заходишь и даже не звонишь». Я отшутился: «Не хочу отрывать драгоценное время у президента Российской Федерации». Условились о встрече. И вот я на Делегатской, где в то время размещались Президиум Верховного Совета и правительство РСФСР. Беседа шла в комнате отдыха за чашкой чая. После обмена несколькими ничего не значащими фразами Игнатов совершенно неожиданно для меня принялся буквально поносить Брежнева. «Дураки мы, — говорил он в нервной запальчивости, — привели эту хитренькую лису патрикеевну к власти. Ты посмотри, как он расставляет кадры! Делает ставку на серых, но удобных, а тех, кто поумнее и посильнее, держит на расстоянии. Вот и жди от него чего-либо путного».

Говоря о людях «посильнее» и «поумнее», мой гостеприимный хозяин наверняка имел в виду самого себя. В нем буквально клокотала обида: столько сделал для подготовки «дворцового переворота», а в результате черная неблагодарность! По ходу тирады он вдруг промолвил: «Никита (именно «Никита», а не «Хрущ»!) сам виноват. Он же получил сигнал о затеваемых против него кознях! Незадолго до своего отъезда в Пицунду, на одном из заседаний, когда остались лишь члены Президиума ЦК, он знаешь, что сказал? «Что-то вы, друзья, против меня затеваете. Смотрите, в случае чего разбросаю, как щенят». По словам Игнатова, многих из присутствующих это повергло в полушоковое состояние. Придя в себя, «друзья» чуть ли не хором стали клясться, что ни у кого из них и в помыслах ничего подобного не было и быть не могло. Тем не менее Хрущев, обращаясь к Микояну, проговорил: «Давай-ка, Анастас Иванович, займись этим делом, постарайся выяснить, что это за мышиная возня».

«Микоян, — продолжал Игнатов, — не проявил особой прыти

в раскручивании этой истории… Конечно же, Хрущева сильно подвела его самоуверенность. Мужик он, безусловно, дюже башковитый, а тут промашку дал. Иначе Брежнев и его компания потерпели бы крах».

Самое поразительное и непостижимое в этом разговоре, навсегда врезавшемся в мою память, было то, что Игнатов говорил о случившемся как бы со стороны, будто начисто забыв, что сам являлся одним из главных действующих лиц той драмы.

Судьба самого Игнатова во многом драматична и поучительна. Это была личность самобытная, незаурядная. В прошлом участник гражданской войны, чекист, оказавшись волею судеб в Ленинграде, Игнатов в короткий срок, несмотря на то, что имел всего лишь низшее образование (сам он говорил, что окончил ЦПШ, то есть церковноприходскую школу), проявил себя как прирожденный лидер и был выдвинут на руководящую партийную работу. Сначала работал парторгом ЦК ВКП(б) на фабрике «Гознак», а затем первым секретарем одного из райкомов Ленинграда. В 1937 году его направили вторым секретарем Куйбышевского обкома, и произошло это вскоре после того, как первым секретарем того же обкома был назначен или избран (что по тогдашним временам не имело никакой разницы) Павел Петрович Постышев, к тому времени уже очередной «штрафник». Спустя короткое время Постышев был расстрелян, и первым секретарем обкома стал Игнатов. На этом высоком посту он развернулся вовсю. Зная свою слабинку по части сельского хозяйства, Игнатов засел за книги. Часто советовался со специалистами, как будто предчувствуя, что именно из-за сельского хозяйства потеряет он свой высокий пост. А случилось вот что. Выпало слишком дождливое лето, и под явной угрозой оказался выращенный с таким трудом урожай зерновых. Будучи по натуре человеком смелым, решительным и инициативным, Игнатов принимает единственно возможный в тех условиях шаг: он приказал выдавать треть урожая участникам уборки, и мера эта помогла — урожай спасли. Однако то, что было сделано, не укладывалось в тогдашние каноны и рамки, вызвало гнев Сталина, который срочно направил в область А. И. Микояна с поручением расследовать «ЧП». Расследовать-то, собственно, было нечего, «проступок» Игнатова был очевиден, и его с треском сняли с работы. На состоявшейся вскоре XVIII партийной конференции он был выведен из состава ЦК ВКП(б). Казалось, что его карьера, начавшаяся так удачно, закончилась бесславно, но Игнатов был не из тех, кто опускает в подобных случаях руки и покорно смиряется перед ударами судьбы. Ему предложили должность заместителя председателя облисполкома, но он

упросил оставить его на партийной работе, дать ему хоть какой-то пост. Очевидно, полагал, что таким путем сможет при благоприятном стечении обстоятельств снова подняться вверх. Так оно, собственно говоря, и вышло. В 1940 году, оказавшись на Орловщине, он за короткое время прошел путь от заведующего отраслевым отделом до первого секретаря обкома. Потом стал первым секретарем Краснодарского крайкома, а после XIX съезда партии членом Президиума, секретарем ЦК КПСС. В дальнейшем — второй секретарь Ленинградского обкома и одновременно первый секретарь горкома, первый секретарь Воронежского и Горьковского обкомов…

В июне 1957-го, когда некоторые члены Президиума ЦК КПСС, среди них Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, предприняли попытку сместить Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС и захватить руководство в партии и стране, именно Игнатов (а не председатель КГБ Серов, как ошибочно утверждал в газете «Аргументы и факты» историк Рой Медведев) возглавил так называемую «двадцатку», группу членов ЦК, в которую вошли руководители ряда крупнейших партийных организаций страны, некоторые известные государственные и военные деятели. Эта группа потребовала срочно созвать Пленум ЦК с тем, чтобы пресечь попытки приверженцев Сталина похоронить решения XX съезда КПСС, столкнуть партию с избранного курса, а заодно и уйти от ответственности за совершенные при их активной помощи сталинские злодеяния. «Двадцатке» пришлось преодолеть упорнейшее сопротивление фракционеров. Когда члены «двадцатки» вошли в здание, где заседал Президиум ЦК, они потребовали, чтобы их допустили в зал заседаний. Такое требование было передано ими через ныне здравствующего бывшего заведующего сектором Общего отдела ЦК КПСС Н. А. Романова. Как он свидетельствует, его сообщение о требовании пришедших членов ЦК допустить их на заседание Президиума встретил грубой бранью тогдашний председатель Совмина СССР Н. А. Булганин, который буквально выставил Романова за дверь. И только с третьего захода члены антипартийной группы согласились начать переговоры с «двадцаткой», в чем немалую, можно сказать, решающую роль сыграло заявление Хрущева о том, что в противном случае на встречу с членами ЦК он пойдет один.

После июньского Пленума (1957 года) Игнатов, работавший до этого в Горьком, становится членом Президиума и секретарем ЦК. Однако через какое-то время выяснилось, что он, как, впрочем, и другой член Президиума и секретарь ЦК Е. А. Фурцева, также активно поддержавшая в июне 1957 года Н. С.

Хрущева, пришлись, как говорится, не ко двору; они были выведены из состава Президиума ЦК и понижены в должностях. В ноябре 1966 года, находясь в Чили во главе парламентской делегации, Игнатов заболел и по возвращении в Москву скончался. Так оборвалась его бурная, полная коллизий, взлетов и падений жизнь. К слову сказать, тогдашнее руководство партии и страны хотя и с опозданием, но отдало покойному должное, похоронив его у Кремлевской стены, чего не удостоился даже И. С. Хрущев.

Активно выступив в 1957 году в защиту курса XX съезда КПСС, в защиту Хрущева, Игнатов через семь лет после этого проявил такую же, если не большую активность в заговоре против него. Руководили им, конечно же, не соображения принципиального характера, а обида на Хрущева, лишившего его реальной власти, тем более что, по его мнению, кое-кто в руководстве занимал более высокое положение не по праву. Когда же он убедился, что вожделенный кусок пирога власти, на который он так рассчитывал, ему не достанется и что придется по-прежнему довольствоваться церемониальным постом в масштабах пусть и самой крупной республики (это ведь только теперь положение радикальным образом меняется, а вплоть до XIX партконференции даже пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был по преимуществу церемониальным или номинальным), его стала терзать обида на Брежнева…

Впрочем, не только с Игнатовым происходили подобные метаморфозы. Тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе, обязанный своим выдвижением, введением в состав Президиума ЦК КПСС, а также присвоением ему звания Героя Социалистического Труда именно Хрущеву, в чем он сам признавался, с готовностью и рвением участвовал в интригах против него, и мотивы тоже были личные. Однажды Хрущев в резкой, даже угрожающей форме отчитал Мжаванадзе за случай в Тбилиси, когда чуть не был сорван концерт известной зарубежной певицы, исполнившей на ломаном русском языке знаменитую «Катюшу», — Мжаванадзе этого не забыл. В дальнейшем у него с Хрущевым были более серьезные трения, в результате чего он стал опасаться за устойчивость своего положения «вождя грузинского народа»…

В речи на мартовском (1965 года) Пленуме ЦК КПСС Мжаванадзе, говоря о причинах смещения Н. С. Хрущева, вменил тому в вину разделение партийных и советских органов на промышленные и сельские. «Члены ЦК, с которыми я встречался, — заявил он, — выражали негодование по этому вопросу, говорили Хрущеву, что разделение осложнит работу, что

нельзя этого делать, но он не желал ни к кому прислушиваться». И далее следовала гневная тирада: «Все вынесли, но посягательства на партию члены Центрального Комитета не вынесли, не стерпели и совершенно правильно поступили». Тут невольно напрашивается вопрос: а почему эти «негодующие» члены ЦК, включая и самого Мжаванадзе, заведомо зная, что предпринимаемая реорганизация принесет вред, что совершается «посягательство на партию», не сказали об этом три года назад на ноябрьском (1962 года) Пленуме ЦК, который обсуждал и решал указанный вопрос? Впрочем, они говорили, но нечто прямо противоположное. «Мы, — заявил на Пленуме тот же Мжаванадзе, — целиком разделяем положения, высказанные Н. С. Хрущевым, что теперь старые организационные формы уже становятся в известном смысле тормозом в деле руководства партии и правительства. Мы целиком разделяем и поддерживаем предложения И. С. Хрущева о новой структуре партийных органов». В таком же примерно духе высказывались и другие члены ЦК, хотя до Пленума действительно у некоторых из них были возражения по данному вопросу.

Одним из активных участников заговора против Хрущева был А. Н. Шелепин. В памятные дни июня 1957 года он, будучи первым секретарем ЦК ВЛКСМ, входил в уже упоминавшуюся «двадцатку» и впоследствии не был обойден вниманием со стороны Хрущева. Но Шелепин, очевидно полагая, что занимаемые им должности (он был секретарем ЦК КПСС и одновременно заместителем председателя Совмина СССР и председателем Комитета партийно-государственного контроля) гораздо ниже его возможностей, рвался к власти более высокой, даже самой высокой. После октябрьского Пленума он представил программу, дух и буква которой во многом напоминали о временах культа личности Сталина. Люди, близко знавшие Шелепина, единодушно утверждают, что он в противоположность Брежневу всегда был представителем так называемого твердого крыла. Между ним и тогдашним Генсеком уже после октябрьского Пленума начались разногласия, которые со временем приобрели более острый и почти открытый характер. Распространявшиеся одно время слухи о нездоровье Брежнева были инспирированы если не самим Шелепиным, то его окружением, и должны были служить средством, облегчающим новую «смену караула». Окружение переусердствовало, чем и было ускорено падение Шелепина.

Если вернуться к программе Шелепина, то невольно задумаешься: какому Шелепину верить? Тому, кто выступал с речью на XXII съезде партии, в которой он, тогдашний

председатель КГБ, привел потрясшие всех факты гибели от репрессий видных партийных, государственных и военных деятелей, ни в чем не повинных людей, сказал и о роли в этой кровавой расправе некоторых членов антипартийной группы; нам, слушавшим Шелепина, казалось, что оратор говорил искренне, убежденно. Или Шелепину, который был автором указанной программы, сталинистская направленность которой очевидна.

Шелепин, насколько я могу судить, был одним из немногих деятелей в тогдашнем руководстве страны, кого отличали и интеллект, и большие организаторские способности, творческая жилка. Но ох уж эта распроклятущая жажда власти! Сколько людей, в том числе и одаренных, она развратила и погубила, какой ущерб нанесла партии и обществу! Думаю, погубила она и Шелепина.

И наконец, о самом опытном и, пожалуй, самом хитроумном из заговорщиков — М. А. Суслове. Примечательно, что на каждом крутом повороте истории он вдруг оказывался «на коне». Во многом разделяя взгляды Молотова и его союзников, он не спешил взять их сторону, опасаясь, видимо, что может лишиться своего положения в верхнем эшелоне власти. Когда же он «узнал» о том, что «двадцатка» категорически требует созвать Пленум и требование это после кратких, но бурных переговоров с группой выделенных Президиумом ЦК представителей (Ворошилов, Булганин, Микоян, Хрущев) было удовлетворено, позиция Суслова определилась четко, и именно ему было поручено выступить на созванном 22 июня в Свердловском зале Кремля Пленуме ЦК с сообщением «Об антипартийной группе Маленкова, Молотова, Кагановича».

В дальнейшем он сделал немало, чтобы свести на нет линию XX съезда КПСС, подталкивая Н. С. Хрущева на акции, явно противоречащие этой линии.

Примечательно, что идея заговора против Хрущева объединила самых разных людей, в том числе и таких, которые испытывали друг к другу неприязнь. Между Шелепиным и Мжаванадзе были весьма натянутые отношения, особенно после XXII съезда. По инициативе Хрущева Мжаванадзе должен был выступать на съезде и требовать выноса ил Мавзолея праха Сталина. Такое поручение его никак не устраивало и, как принято в подобных случаях говорить, он «срочно заболел». От республиканской партийной организации пришлось выступать Председателю Совета Министров Грузии Г. Д. Джавахишвили. Шелепин отослал в Президиум ЦК специальную записку, в которой ставил под сомнение болезнь лидера Компартии Грузии. Легко себе представить реакцию Мжаванадзе, однако в ходе

подготовки октябрьского Пленума они сблизились, и Мжаванадзе в узком кругу называл Шелепина не иначе, как «Саша».

Впрочем, в борьбе за власть такое случалось частенько. В июне 1957 года во фракционной группе стали союзниками Молотов, Маленков, Каганович и Ворошилов, которые относились друг к другу с явной неприязнью, но общая цель их, что называется, сплотила.

Теперь кое-кто утверждает, что октябрьский Пленум готовился по всей форме, в согласии с Уставом, что никакого заговора не было. Позволительно спросить: а зачем тогда предварительно обрабатывали многих членов ЦК? Почему в ходе подготовки к Пленуму надо было использовать КГБ, а не механизм внутрипартийной демократии? Тогдашний секретарь ЦК КП Украины О. И. Иващенко (а не Насриддинова, как ошибочно указал в «Неделе» М. Стуруа) пытался дозвониться Н. С. Хрущеву в Пицунду, чтобы предупредить его о сговоре, но эти попытки были блокированы. В прессе промелькнуло предположение, что заговор удался потому, что противники Хрущева, извлекая опыт из прошлого, действовали искусно. Пожалуй, это так (по крайней мере по сравнению с 1957 годом), хотя не обошлось и без серьезной накладки, которая могла бы очень дорого обойтись заговорщикам: ведь Хрущев об этом узнал!

По свидетельству тогдашнего Председателя КГБ В. Е. Семичастного, некоторые члены высшего руководства вынашивали идею об аресте Н. С. Хрущева. Вот даже как!

Утверждение бывшего первого секретаря МГК КПСС Н. Г. Егорычева, содержащееся в его интервью специальному корреспонденту «Огонька» (1989 г., № 6), о том, что «дело вовсе не в «заговоре» против Хрущева, а в том, что он сам вел дело к своему освобождению, что ЦК, избранный на XXII съезде партии, нашел в себе силы освободить от должности своего Первого секретаря, не дав возможности разрастись его ошибкам», мягко говоря, неполно, тем более что дальше у него идет оговорка: «Пленум надо было готовить, а это дело непростое, в известной мере опасное».

Разумеется, каждый Пленум ЦК, а уж тем более такой, где должен был решиться вопрос о руководстве, должен тщательно готовиться. Но готовиться не тайно, а на демократической основе. На самом же деле подготовка к данному Пленуму носила (и думаю, что Егорычев это знает не хуже, а, может, даже лучше многих других) заговорщический или, если хотите, закулисный характер. Это, собственно говоря, пусть и косвенно, подтверждает сам Егорычев, указывая на опасность подобной подготовки, которая была настолько реальна, что, по его словам, Брежнев,

узнав о том, будто «Хрущев обладает какой-то информацией» насчет «демократической» подготовки к перевороту, настолько перепугался, что даже «никак не хотел возвращаться из ГДР, где находился во главе делегации Верховного Совета СССР». Думаю, знает Егорычев и о том, что среди организаторов и участников «подготовки» к Пленуму были заранее распределены роли и что каждый имел поручение «поговорить» с определенными членами ЦК. Сам Егорычев беседовал с группой москвичей — членов ЦК, в чем он сам и признается. Кстати, беседа с четырьмя-пятью членами ЦК не может служить основанием для утверждения, что «большинство членов ЦК были внутренне готовы к такому обсуждению» (то есть к обсуждению вопроса о замене Хрущева на посту Первого секретаря ЦК).

Сообщая читателям «Огонька» о том, как снимали Хрущева, Егорычев отступает от истины. Когда же он говорит о том, что поначалу у него с Брежневым сложились «достаточно хорошие отношения», — вот тут он объективен. Что касается речи Егорычева на XXIII съезде КПСС, то она, пожалуй, была одной из самых (если не самой) апологетических по отношению к Брежневу.

Конечно же, нельзя события тех дней сводить только к заговорщическим методам подготовки октябрьского Пленума. Речь должна идти и об объективной, назревшей тогда необходимости перемен. Хотя, повторюсь, от вопроса о том, как готовился и как был проведен Пленум, при всем желании никуда не уйдешь.

Зададимся теперь таким вопросом. Почему за столь длительное время подготовки к «перевороту» не было составлено обстоятельное, по существу вопроса сообщение, содержащее не только критику ошибок Хрущева, но и комплекс мер по исправлению этих ошибок, более или менее конкретной программы действий?

Тут я должен засвидетельствовать: сообщение, с которым выступил на пленуме М. А. Суслов (а оно называлось так: «О ненормальном положении, сложившемся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями Хрущева»), не содержало глубокого анализа положения дел в партии и обществе, а уж тем более конкретной программы действий. Слишком много говорилось о «некоторых» лицах, близко стоявших к лидеру партии и якобы плохо влиявших на него. Особенно досталось зятю Хрущева А. И. Аджубею за его зарубежные поездки. По ходу сообщения зал разражался криками «позор!», и кричали это те, кто считал себя обиженным Хрущевым.

Выступая, Суслов специально подчеркнул два момента. Во-

первых, то, что ему поручено изложить единодушное мнение членов и кандидатов в члены Президиума, а также секретарей ЦК КПСС. Правда, поначалу были некоторые разночтения. А. И. Микоян, например, предлагал сохранить за Хрущевым пост Председателя Совмина, но, встретив решительные возражения большинства членов Президиума, тут же снял свое предложение. Второй момент — это заявление о том, что Хрущев, признав правильность критики в свой адрес, просил Президиум разрешения не выступать на пленуме. Здесь потребуется уточнение. Дело в том, что, по признанию самого Суслова, в ходе заседания Президиума Хрущев подавал якобы неправильные реплики, фактически отрицал критику в свой адрес, однако напор со стороны многих членов Президиума был настолько силен, что Хрущев вынужден был перейти к обороне, а потом прекратил сопротивление.

В конце своего сообщения Суслов заявил: Хрущев признал, что состояние здоровья не позволяет ему выполнять возложенные на него обязанности, и потому просит освободить его от занимаемых им постов. Докладчик тут же зачитал письменное заявление Н. С. Хрущева на имя Пленума ЦК (вместо устной речи, которую тому фактически запретили произнести). Прения «предпочли» не открывать.

Все это свидетельствует о том, что организаторы заговора до конца не верили в успех задуманного. Например, Мжаванадзе, вернувшись из Москвы в Тбилиси, на встрече с членами бюро ЦК Компартии Грузии рассказывал о своих дорожных переживаниях, когда, купив на одной из крупных станций газеты, не увидел в них сообщения о Пленуме. Это ему показалось плохим предзнаменованием, он даже решил, что произошло что-то непредвиденное. Когда же, по его словам, услышал он по радио приподнятый голос диктора: «Передаем информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета КПСС», — тогда только пришел в себя. На радостях, по его словам, даже рюмочку пропустил…

Вернемся, однако, к самому Пленуму. Решение, которое он принял, отвечало духу доклада. Подвергая критике ошибки и недостатки Н. С. Хрущева, ничего не было сказано о том, как и что делать дальше, и лишь позже, уже на мартовском и сентябрьском (1965 года) Пленумах, а затем и на XXIII съезде партии, намечены были меры, направленные на развитие экономики и социальной сферы, укрепление обороноспособности страны.

Октябрьский Пленум, несомненно, занял свое место в истории. Необходимость перемен действительно назрела, она

носила объективный характер, многое осложнялось проявлениями хрущевского субъективизма и волюнтаризма. Отметим в данном контексте, что за несколько месяцев до октябрьского Пленума был еще один Пленум — июльский, о котором в печати, как это ни странно, даже не сообщалось. Выл рассмотрен вопрос об освобождении JI. И. Брежнева от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР (на этот пост Пленум рекомендовал А. И. Микояна), после чего неожиданно для членов Президиума ЦК с большой речью выступил Н. С. Хрущев, который дал понять, что намеченный на ноябрь Пленум ЦК будет решать вопросы, связанные с очередной реорганизацией сельского хозяйства и реформой в Области науки.

Все это не могло вызвать энтузиазма, реорганизациями были сыты по горло, их воспринимали как очередное проявление субъективизма Хрущева.

Немало сделав для преодоления культа личности Сталина, Хрущев со временем и сам оказался в плену этой опаснейшей болезни, воспринимая как должное потоки славословия в свой адрес, хлынувшие с газетных страниц и трибун. В начале 60-х, работая главным редактором журнала ЦК КПСС «Агитатор», я, как говорится, набрался храбрости и обратился с письмом на имя Н. С. Хрущева, смысл которого, если отбросить дипломатические уловки, сводился к тому, что сам Никита Сергеевич должен притормозить начинавшее захлестывать партию и страну славословие. В письме привел конкретные факты этого и писал о том, что люди, поющие хвалу руководителю партии и страны, зачастую делают это далеко не бескорыстно, что тем самым они оказывают лидеру партии медвежью услугу и что рецидивы культа личности могут нанести большой вред и партии, и обществу…

Реакции на письмо, однако, не последовало, хотя, прежде чем отослать его, я звонил по «вертушке» помощнику Н. С. Хрущева Шуйскому, который обещал не только прочитать письмо, но, если потребуется, и доложить о нем Никите Сергеевичу. Как видно, «не потребовалось». Не хочу скрывать, в те дни я много переживал, поскольку мое обращение к Н. С. Хрущеву могло иметь для меня самый неблагоприятный оборот, ведь он был человеком непредсказуемым.

Кое-кто сегодня пытается оспаривать тот факт, что Н. С. Хрущев искренне стремился внести изменения в устаревший политический и экономический механизм, что он хотел улучшить жизнь людей, а особенно тех, кто годами и десятилетиями ютился в подвалах и бараках. Очень многое делалось для решения этих и

других в 1росов, но, к сожалению, непоследовательно. Предпринятые тогда реформы не подкреплялись глубинными демократическими преобразованиями, что сводило на нет прогрессивные начинания и реформы. Большие надежды, порожденные новым курсом партии, идеями XX съезда КПСС, постепенно сменялись скептицизмом и даже откровенным, горьким разочарованием. Геннадий Иванович Воронов, который в те годы был членом Политбюро ЦК КПСС, пишет в журнале «Дружба народов» (№ 1, 1989 год) о том, как «мелькнула и исчезла» надежда на глубокие преобразования, напоминающие нынешнюю перестройку. И честно признает: «Ответственность за то, что возможность коренного перелома в жизни страны осталась нереализованной, несем перед партией и народом мы, тогдашние руководители. Признать такого рода ошибку куда труднее, нежели всякую иную, но сделать это необходимо, и уж тем более необходимо сделать это сегодня, когда повторение такого рода ошибки было бы, в полном смысле, роковым».

И все-таки одно мне кажется совершенно бесспорным: что бы ни утверждали тогдашние да и нынешние противники и недоброжелатели Хрущева, как бы ни была противоречива его личность, история воздаст ему должное за многое. Хрущев сумел отстранить от руководства Берию; окажись тот у кормила власти, — а такая опасность была вполне реальной, — наше общество испытало бы немало тяжких бед и трагедий. Вслед за этим Хрущев ликвидировал концлагеря, освободил и реабилитировал полмиллиона невинных жертв сталинско — бериевского террора. Наконец, архимужественное разоблачение культа личности Сталина, круто переменившее советское общество, положившее начало его обновлению, — все это способствовало и переходу от «холодной войны» к мирному сосуществованию с Западом.

Даже Суслов, выступая на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК, вынужден был заявить, что генеральная линия, выработанная на XX, XXI и XXII съездах, в разработку которой внес определенный (?!) вклад Н. С. Хрущев, является правильной и нерушимой, что следует отметить его положительную роль в разоблачении культа личности Сталина, в проведении ленинской политики мирного сосуществования государств, в борьбе за мир и дружбу между народами и что было бы неправильно забывать эти заслуги Хрущева. Признание это тем более важно, поскольку мы теперь знаем, при каких обстоятельствах оно было сделано.

Бесспорно, что для Н. С. Хрущева назрела пора уходить с высших постов в партии и государстве, хотя бы из соображений возраста. Однако у «нашего Никиты Сергеевича» (именно так

назывался широко демонстрировавшийся тогда кинофильм) не хватило решимости подать в отставку. Правда, как свидетельствуют некоторые авторы, в том числе и его собственный сын Сергей Никитич, Хрущев собирался сделать это на ближайшем съезде партии. Но до съезда еще было далеко. Впрочем, в нашей советской истории еще не было подобного прецедента (если не считать размышлений К. У. Черненко о возможности своей отставки незадолго до кончины, о чем мы узнали из мемуаров А. А. Громыко «Памятное»), А ведь, в сущности, это должно было бы стать явлением обычным. С руководящей работы, включая верхние эшелоны, очень важно уходить вовремя, а уж если говорить о лидере, то тем более. Это не только в интересах партии, всего общества, но и в интересах тех, кто уходит на заслуженный отдых.

Помню, в середине 70-х западная пресса делала прогноз: Брежнев уйдет в отставку на XXV съезде в 1976 году, когда ему исполнится 70 лет. Увы, не произошло этого ни в 1976-м, ни позже. Брежнев об отставке не помышлял и, как это впоследствии подчеркивалось в документах партии, растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало совершенно нетерпимым. Конечно, брежневский режим — главный виновник застоя, тут я целиком согласен с авторами публикаций о том периоде нашей истории. Однако я не хочу упрощать — корни застоя не только в личности Брежнева, а в первую очередь в несовершенстве наших политических институтов, включая и саму партию, что, конечно же, совсем не исключает персональной политической ответственности лиц, составлявших в застойные годы партийное и государственное руководство страны. Почему многие из них мирились с создавшимся положением? Почему прямо и честно не сказали тому же Брежневу, что ему пора оставить свой пост, ибо этого требуют интересы партии и народа? В случае нежелания Брежнева выйти в отставку, решить этот вопрос можно было в рамках демократических норм и структур, в открытую, как это делается в некоторых западных компартиях. Кемеровский коммунист, директор киселевской обувной фабрики Тенгиз Георгиевич Авалиани, нашел в себе мужество в преддверии XXV4 съезда КПСС написать на имя Брежнева письмо, в котором по существу убеждал адресата уйти в отставку. Автор писал о том, что «промедление с пересмотром основ методов руководства» советским обществом, народом, тем более промедление еще на пять лет, «может дорого обойтись», что положение в стране очень серьезное, что «мириться и… увязать в нем нельзя», и потому «оно должно быть также серьезно и беспромедлительно

обсуждено на Политбюро», что «этот вопрос должен быть главным в повестке дня съезда», что «нельзя допустить, чтобы съезд и подготовка к нему вылились опять в большой хвалебный, театрализованный спектакль». В письме откровенно и напрямую было сказано, что Политбюро и правительство не справились с возложенными на них обязанностями.

Как и следовало ожидать, то письмо было расценено как крамола, «покушение на устои». О содержании письма доложили К. У. Черненко, который поручил позвонить в Кемеровский обком и «разобраться» с автором. Авалиани сняли с должности директора фабрики, и неизвестно, как сложилась бы его жизнь, не начнись в стране перестройка. Стала важной и публикация письма.

Я не случайно обращаюсь к письму Авалиани. Обоснованность выдвинутых в нем требований о необходимости решительных перемен в партии и обществе хорошо понимали и те, кто находился в высшем эшелоне власти. Неверно было бы считать, что в руководстве партии и страны не было людей, противодействовавших чрезмерному возвышению Брежнева и проводимой им политике.

Мэлор Стуруа, например, пишет на страницах «Недели» (24–30 октября 1988 года) о том, как в годы правления Брежнева устранен был «занесшийся Кириленко», об «укрощении строптивого Шелеста», о расправе со «взбунтовавшимся Егорычевым». Другой публицист, Федор Бурлацкий, в своей статье «Брежнев и конец оттепели» («Литературная газета», 1988, 14 сентября) приводит факт из жизни тогдашнего первого секретаря Московскою горкома партии Н. Г. Егорычева, который в разговоре с одним из руководителей сказал: «Леонид Ильич, конечно, хороший человек, но разве он годится в качестве лидера такой страны?» «Фраза эта, — пишет далее автор, — дорого обошлась ему, как, впрочем, и его открытая критика на одном из Пленумов ЦК военной политики».

Надо сказать, что подобным фактам авторы дают порой преувеличенную и не всегда точную оценку. В отношении «занесшегося Кириленко», например, тут вообще какое-то недоразумение. Есть, правда, данные, указывающие на то, что его отношения с Брежневым в 1978–1979 годах охладели и это повлекло за собой некоторое снижение влияния Кириленко в высшей партийной иерархии, куда он попал исключительно благодаря Брежневу. Но может ли это служить основанием для утверждений о каком-либо противоборстве его с Брежневым?

Что касается «строптивого Шелеста», то, не оспаривая такой черты его характера, как строптивость, скажу тем не менее, что

никто его не «укрощал», а что его, как это было кем-то остроумно замечено, «без шума и шелеста» спровадили на пенсию (что он недавно и сам признал публично). Сделать это было легко, поскольку особой популярностью он не пользовался, слыл за человека с сильными националистическими замашками, сторонника жесткой линии.

Особо — о Н. Г. Егорычеве. Думаю, что называть его выступление на июньском (1967 года) Пленуме «бунтарским» также нет оснований. Как участник злополучного для Егорычева пленума могу засвидетельствовать: та часть его выступления, в которой он критиковал недостатки в организации противовоздушной обороны, не давала никаких оснований для последовавших затем оргвыводов. То было лишь некоторое «шевеление воздуха», но и тем оно запомнилось слушателям, что такие «шевеления» были тогда крайне редки. Глубоко убежден, ' что оратор, выступая с критикой, рассчитывал на поддержку самого Брежнева, так как руководствовался он лишь благими намерениями и речь его в этой части носила к тому же характер самокритики, поскольку сам Егорычев являлся членом Военного Совета Московского округа ПВО. Но что не учел Егорычев, так это то, что вторгается он в закрытую зону, куратором которой наряду с Д. Ф. Устиновым был сам Генеральный. Вот почему неожиданно для большинства участников пленума дело приняло крутой оборот. Досрочно был объявлен перерыв, а после перерыва очередные ораторы (включая Мжаванадзе) свои заранее заготовленные речи начали с проработки Егорычева, причем чуть ли не одними и теми же фразами. Свое пространное заключительное слово Брежнев почти целиком посвятил Егорычеву, доказывая, что ЦК много и последовательно занимается обороной страны, а уж в особенности противовоздушной. Стало ясно: судьба Егорычева предрешена. Между тем накануне из достоверных, как говорится, источников я узнал, что на этом пленуме предполагалось избрать Егорычева секретарем ЦК. Перед этим он вместе с Брежневым был в Грузии, и мы уже тогда слышали эту новость, и я, честно говоря, радовался за Егорычева, поскольку довольно неплохо его знал и всегда относился к нему (и отношусь!) с искренним уважением.

Когда же судьба сыграла с ним неожиданно злую шутку, очень за него переживал, как, впрочем, и за наши «сверхдемократические» порядки.

Что же касается фразы, брошенной Егорычевым в разговоре «с одним из руководителей», то, будь она известна Брежневу, судьба Николая Григорьевича была бы куда драматичнее и вопрос о его выдвижении не возник бы.

Тем не менее были люди, которые действительно оказывали Брежневу серьезное противодействие. Кроме Шелепина и Подгорного, которых Брежнев с помощью своих подручных буквально вытолкал из состава Политбюро, а заодно и с занимаемых ими высоких постов, опасаясь лишиться единоличной власти, был еще и А. Н. Косыгин. Его разногласия с Брежневым — разногласия принципиальные. Косыгин отстаивал экономические приоритеты во внутренней политике, считая, что именно на этой основе надо поднимать материальное благосостояние трудящихся. Во внешней политике он выступал за разрядку и торговлю с Западом. Именно Косыгин явился инициатором экономической реформы 1965 года. Главнейшим условием ее осуществления он считал свободу действий в управлении экономикой, которое должно было осуществлять правительство. И до сегодняшнего дня в печати появляются рассуждения о том, что реформа эта сорвалась якобы из-за противодействия чиновников, особенно на местах. Все это по меньшей мере наивно. Реформа, несомненно, была зарублена «наверху», и не в последнюю очередь из-за ревностного отношения Брежнева к Косыгину.

Алексей Николаевич Косыгин пользовался заслуженным авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом, это был опытный, компетентный государственный деятель. Отмечу, к слову, что когда в печати промелькнула заметка о том, что помощники Косыгина были чуть ли не церберами, ограждавшими шефа от народа, мне стало как-то не по себе от явной несправедливости подобного утверждения — Косыгин был демократичным человеком, и одной из черт его характера было сильно развитое чувство справедливости.

От мелких уколов, от некомпетентного вмешательства Брежнев, ставя перед собой цель ослабить позиции А. Н. Косыгина и возглавляемого им правительства, перешел к более ощутимым акциям. Мне вспоминается декабрьский (1969 года) Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам экономики. Был он необычным, поскольку на нем, пожалуй, впервые за многие годы так резко критиковалось правительство. Сценарий, правда, был типичным: один за другим выступали ораторы и, направляя стрелы по преимуществу в сторону Госплана, на самом деле метили в правительство и в Косыгина, который его возглавлял. Некоторые речи, особенно тогдашнего первого секретаря Алтайского крайкома партии Георгиева, который даже не говорил, а буквально кричал, словно оказался на многолюдном митинге, отличались явной тенденциозностью, чрезмерной категоричностью, а главное — неаргументированностью и

вопиющей бестактностью.

Сидя за столом президиума, Косыгин терпеливо и, как мне казалось, очень внимательно выслушивал ораторов. Однако нельзя было не заметить, что ой нервничал, хотя по натуре это был человек огромной выдержки. Многие из нас ждали, что Косыгин выступит, но выступил не он, а председатель Госплана Н. К. Байбаков. Признав справедливость ряда критических замечаний, он спокойно, но весьма убедительно, на фактах показал истинное положение дел в экономике, а особенно в сельском хозяйстве. Изложив объективные и субъективные причины такого положения, он доказал тем самым всю несостоятельность грубых нападок на Госплан (читай: и правительство). Тот же Георгиев, к примеру, жаловался, что их краю не выделяют достаточно средств на развитие сельского хозяйства, а Байбаков привел данные, из которых явствовало, что алтайцы не осваивали даже выделенные средства…

В 1976 году Косыгин серьезно заболел. Кто-то сознательно пустил в ход и раздувал слухи о том, что после выхода из больницы он уже якобы не сможет выполнять свои обязанности Председателя Совета Министров СССР. На пост первого заместителя Председателя Совмина назначают Н. А. Тихонова, приятеля и земляка Л. И. Брежнева, чтобы в скором будущем сделать его главой правительства. Конечно же, этот выдвиженец и в подметки не годился Косыгину, популярность его была на нулевой отметке. Но что до этого тем, кто стоял за его спиной и кто личную преданность ценил выше деловых качеств, кто личные интересы ставил выше интересов государства…

Отдельно скажу о предшественнике Тихонова Кирилле Трофимовиче Мазурове. Мне доводилось с ним встречаться в бытность его первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Впечатление осталось самое благоприятное. Авторитет его в республике был прочным и вполне заслуженным. Став первым заместителем Председателя Совмина СССР, К. Т. Мазуров оказался хорошей опорой для главы правительства и зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Но Брежнева он, по-видимому, не очень-то устраивал, так как считался, во-первых, выдвиженцем Косыгина, а во-вторых, никогда не пытался потрафить «вождю». Понятно, что преждевременный его уход с активной работы «по состоянию здоровья» никого не мог удивить. Отмечу попутно, что возвращение Мазурова к общественной деятельности не может не радовать всех тех, кто знал его раньше. В «застойные» времена судьбу Мазурова окончательно решило, как он сам недавно поведал, его столкновение с Генсеком по довольно деликатному вопросу, и вопрос этот касался

недостойного поведения дочери Брежнева — Галины Леонидовны, которой сходили с рук все ее «художества». Более того, замечу попутно, что тогдашние члены Политбюро и Секретариата ЦК КПСС сочли даже возможным наградить сие чадо… орденом Трудового Красного Знамени в связи с ее пятидесятилетием, которое отмечалось очень пышно…

И, наконец, еще об одном «инакомыслящем» — уже упоминавшемся выше Геннадии Ивановиче Воронове. Лично я с ним знаком не был, сужу о нем по выступлениям на пленумах и Секретариатах ЦК, по тому, как в свое время вел он заседания Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Воронов производил на меня впечатление сугубо делового и очень принципиального руководителя. По его собственному признанию, приход Брежнева к власти явился для него неожиданностью и встречен был им, судя по всему, отрицательно. Занимая пост главы правительства РСФСР, а затем Председателя Комитета народного контроля СССР и являясь членом Политбюро ЦК КПСС, Воронов всегда имел мужество высказывать и отстаивать свою собственную точку зрения по таким, в частности, вопросам, как строительство КамАЗа, Чебоксарской ГЭС, назначение того же Щелокова на пост министра внутренних дел. Знаю о том, что к решению о вводе наших войск в Чехословакию в августе 1968 года он отнесся отрицательно, о чем сужу по факту его выступления в Новосибирске перед членами бюро обкома, где он прямо и недвусмысленно расценил этот шаг руководства как глубоко ошибочный, дав понять, что подобную точку зрения высказал и на Политбюро. Занять такую позицию в тех условиях мог лишь человек большого личного мужества, и не случайно в конечном итоге стал он неугоден Брежневу…

Повторю: я касаюсь проблемы лишь с точки зрения политической ответственности тогдашнего руководства страны за принятие решений, подобных вводу войск в Чехословакию, а вот тут-то есть о чем поговорить. Во-первых, это решение было принято не полным составом Политбюро. Наиболее активную роль играли Брежнев, Подгорный, Андропов, Косыгин (к сожалению, и он!). Шелест и некоторые другие члены Политбюро. Во-вторых, разве принципиальные вопросы такого рода могут быть прерогативой лишь Политбюро ЦК? Не были созваны ни Пленум ЦК, ни сессия Верховного Совета СССР. Конечно же, при существовавших тогда порядках и традициях они скорее всего «проштамповали» бы решение Политбюро, как это делалось обычно, но Брежнев и его соратники даже не пытались создать и видимости демократичности. Я уж не говорю о том, что ни об истинных событиях в Чехословакии, ни о том, по какой причине

ввели мы туда войска, сказано не было ни до событий, ни после. Более того, наши центральные газеты зачастую публиковали такие необъективные материалы, которые чехословацкие сатирические журналы перепечатывали без всяких комментариев и правки, потому что их содержание заведомо было не в нашу пользу.

Журналисты — очевидцы «пражской весны» 68-го года рассказали на страницах «Московских новостей» (№ 35, 28 августа 1988 года) о том, с какими трудностями была сопряжена их работа в Чехословакии. События в братской стране нарастали с каждым днем, и журналисты, конечно же, испытывали понятную и жгучую потребность рассказать о них советским людям, однако ничего не шло в печать. И вот в Прагу прилетает Брежнев. Александр Дидусенко (тогдашний собкор газеты «Труд») и Василий Журавский (собкор «Правды»), воспользовавшись подходящим моментом, обратились к нему за помощью: «Как же нам быть, что писать?», а в ответ услышали: «Пишите правду». Потом Брежнев подумал и добавил: «В одном экземпляре». Еще подумал и заключил, ткнув пальцем в своего помощника: «Вот в его адрес». Должно было пройти целых 20 лет, чтобы журналисты смогли поведать правду уже не в одном, а во множестве экземпляров, и высказали они при этом очень важную мысль об уроках прошлого. Один из этих уроков звучит так: нельзя военной силой решать политические проблемы другой страны, другой нации, все это — опасная иллюзия, и история не прощает подобных шагов. Во взаимоотношениях между социалистическими странами не должны возникать ситуации, когда одна страна присваивает себе право решать что-то за другую. Уважение этого принципа — самая надежная гарантия неповторения событий 1968 года. Политика не должна быть беспринципной, такая политика пагубна для тех, кто берет ее на вооружение, пытается извне вмешиваться во внутренние процессы, происходящие в других странах с целью переиначить их на свой лад.

Вспоминаю, как после чехословацких событий 1968 года небольшая группа советских коммунистов по приглашению ЦК ФКП приехала во Францию. Куда ни посмотришь — пестрят антисоветские лозунги, да и сами французские коммунисты не скрывали своего негативного отношения к вводу советских войск и войск Варшавского Договора в Чехословакию. Помню, с каким гневом говорилось это нам на встречах в различных районах страны. Зато в одной из речей Брежнева была сделана попытка обосновать правомерность ввода войск в Чехословакию, что послужило поводом говорить о «брежневской доктрине

ограниченного суверенитета социалистических стран», подрывало авторитет КПСС и страны…

Приход Брежнева к руководству партией и страной еще не давал ему той реальной единоличной власти, какую он обретет несколько позже. В руководстве, как это вскоре обнаружилось, нашлись люди, способные бросить ему вызов. Именно поэтому в официальных документах того времени усиленно подчеркивалась необходимость строго соблюдать принцип коллективности партийного руководства, а фамилия Брежнева указывалась лишь в редких случаях. Но так продолжалось недолго. Брежнев был хитроумным тактиком, он умело использовал самые различные рычаги для достижения своих целей. Активно поддерживал лично ему преданных работников, раздавал должности друзьям, однокашникам, которым сходили с рук всевозможные прегрешения. За короткий срок в составе Политбюро и Секретариате ЦК произошли изменения, в результате чего власть Брежнева была упрочена, а к середине 70-х годов она стала, по существу, безраздельной.

Брежнев умело схватывал уроки истории, один из которых знал назубок: начиная со времен Сталина решающим средством для упрочения власти было установление господствующего положения в Политбюро, Секретариате ЦК, а также в центральном аппарате. Пример Маленкова, этого опытнейшего, прожженного аппаратчика, которого сумели — да еще как сумели! — провести, лишний раз доказывал это. Известно, что после смерти Сталина 'пост председателя Совмина был предложен Маленкову. Естественно, возник вопрос: а каково же будет его положение в ЦК? Как рассказывали мне знающие люди, с подачи Н. С. Хрущева было заявлено: подобное уже было при Ленине, пусть Маленков ведет заседания Политбюро, хотя он и не является секретарем ЦК. Уловка, что называется, удалась, Маленков некоторое время председательствовал на заседаниях Политбюро, но вот на одном из них резонно был поднят вопрос: а почему, собственно говоря, Г. М. Маленков занимает ведущее положение в руководящем органе партии? Маленков в растерянности: вы же сами так решили, вы же ссылались на практику, которая была при Ленине? В ответ ему было заявлено: как можно сравнивать, Ленин — всеми признанный вождь партии…

Брежнев первым делом упрочил свои позиции в руководящих коллегиях ЦК, его аппарате, а уже потом прибрал к рукам и высшую государственную власть. К. Т. Мазуров, безусловно, прав, когда в одном из недавних интервью говорит, что Брежнев был хорошим выучеником сталинской административно- командной

системы. Умело пользуясь «методой» этой системы, он постепенно создал послушный ему секретариат, с помощью которого проводил свою линию и решения через Политбюро, переведя последнее как бы во второй эшелон (не случайно заседания Политбюро длились нередко лишь 15–20 минут). Со временем это позволило ему сосредоточить в своих руках все важнейшие рычаги партийной и государственной власти. Однако я не во всем согласен с Мазуровым, который сейчас, отдавая должное Хрущеву за то хорошее, что он сделал, считает, что причиной резкого падения его популярности в партии и народе, брожения и возбуждения среди интеллигенции стали ошибки Никиты Сергеевича, за что он-де и был свергнут. Но тогда возникает логичный вопрос: а разве популярность Брежнева к середине 70-х годов не упала до нулевой отметки? Разве не было и тогда «возбуждения» и открытого недовольства всем происходящим, в том числе некомпетентностью лидера, подбором и расстановкой кадров из числа земляков и друзей? Разве Брежнев не похоронил на деле принцип коллективности руководства? Тогда почему же его не устранили от руководства, как устранили в октябре 1964 года Хрущева? Сегодня Мазуров утверждает, что он, как и многие другие участники октябрьского Пленума, руководствовались прежде всего желанием «восстановить доброе имя» нашей иидеологической, партийно-политической службу. Но почему тогда то же самое желание не возникло в эпоху Брежнева?

К. Т. Мазуров высказывает соображение о том, что нельзя сосредоточивать всю политику в руках только руководителя партии, поскольку если она неправильна, то вина за все недостатки и провалы ляжет на партию, а это вредно для общества. Но ведь именно это и случилось при Брежневе! И что? Где было Политбюро? Сам К. Т. Мазуров верно определяет его роль как такого органа политического руководства, задачей которого является не только выработка и осуществление политики партии, но и предотвращение деформаций, отход от ленинских норм и принципов партийного руководства. Этой-то роли, по его собственному признанию, Политбюро не выполняло, и даже те из членов Политбюро (включая и самого Мазурова), кто не одобрял поведение и действия Брежнева, кто испытывал боль за создавшееся нетерпимое положение, ничего сколько-нибудь действенного и эффективного не предпринимали. Но почему? Мазуров честно признает, что «в его интересы не входило вступать в какую-то конфронтацию с руководителем, даже если я с ним не согласен». И тут же он объясняет почему: «Меня сдерживали постоянные неурядицы в нашей партии и мнения

иностранцев. Я лично много слышал от зарубежных коммунистов упреков: «Когда у вас кончится? Сталина вы разоблачили, Хрущева свергли (!), Брежневым недовольны… Никакой стабильности». Касаясь причин культового синдрома,

Мазуров наряду с потребностью в «добром барине» и бескультурьем называет «заботу о единстве партии, боязнь ослабить ее».

Оставляя в стороне тему «доброго барина», бескультурья, а также упреки зарубежных коммунистов, которые, кстати, были далеко не однозначны, коснемся такого архипринципиального вопроса, как понимание единства партии, заботы о ее авторитете. Указанная выше позиция очень напоминает мне иные, сталинские времена, когда некоторые крупные и заслуженные деятели нашей партии, представители ленинской гвардии (включая Бухарина, Рыкова и других) ради ложно понимаемого единства сознательно шли на сделку с совестью и фактически поступались интересами партии. Когда же потом они пытались выступить против Сталина, растоптавшего ленинские нормы партийной жизни, было уже поздно. А ведь Ленин никогда не отделял единство от внутрипартийной демократии, считал, что они должны составлять органическое, взаимосвязанное и взаимообусловленное целое, без чего невозможно нормальное развитие партии. И когда ныне приходится встречаться с утверждением, что даже при Ленине с его огромным авторитетом плюрализм, демократия с единством не очень-то уживались, то с этим, по моему глубокому убеждению, согласиться никак нельзя.

Возвращаясь к эпохе Брежнева, скажу, что в то время были забыты горькие и неоднократные уроки истории, за что мы вновь заплатили слишком дорого. Те же, кто не закрывал глаза, действовали локально, разрозненно, а потому, не достигнув своих целей, были выброшены за борт.

Одним из инструментов, который максимально использовал Брежнев, по признанию К. Т. Мазурова, было раболепство его ближайшего окружения. И опять-таки находит этому оправдание. «Да, мы проговаривали иногда (?) цитаты Брежнева, так как это были ссылки не на мысли Брежнева, а на установку партии, выраженную его устами. Да, мы иногда говорили какие-то приятные слова, но это обычно принято у людей. По одному этому нельзя считать, что мы создавали культ». Зато смысл его дальнейших рассуждений сводится к тому, что больше всех виноваты журналисты, которые слишком цветисто расписывали заслуги Брежнева. Но так ли это? Словно бы понимая свою неправоту, К. Т. Мазуров высказывает мысль, что, мол, «разобраться надо, кто начинал, может быть, сам носитель

культа».

«Носитель», разумеется, не сидел сложа руки, но ведь и окружение его изрядно «поработало», создавая культ личности Брежнева, который точнее назвать культом должности. Уже вскоре после октябрьского Пленума вовсю был запущен механизм славословия. Немаловажным импульсом для этого послужило предпринятое XXIII съездом КПСС преобразование Президиума в Политбюро ЦК и восстановление поста Генерального секретаря. В данном контексте интересно отметить, что такое положение сохранялось до XVII съезда партии, после которого Пленум ЦК уже не избирал Генерального секретаря, причем фамилия Сталина при перечислении состава Секретариата называлась просто по алфавиту. На то были причины, которых мы здесь не касаемся. Скажем лишь, что для Сталина, занимавшего указанный пост с апреля 1922-го по февраль 1934-го, приставка «Генеральный» носила чисто формальный характер, поскольку к тому времени он фактически был уже бесспорным лидером партии и ее руководящих коллегий, хотя, например, Л. Б. Каменев, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт считали, что он не годится для этой роли.

На XXIII съезде, обосновывая целесообразность восстановления поста Генерального секретаря, говорилось о том, что должность эта была введена после XI съезда якобы по инициативе Ленина. И хотя предложение восстановить пост Генсека внес на съезде тогдашний секретарь Московского горкома Н. Г. Егорычев, для всех было очевидно, что инспирировано оно верхами, а точнее, самим Брежневым. Предложение переименовать Президиум ЦК в Политбюро опять-таки мотивировалось тем, что так было заведено еще при Ленине.

Именем Ленина еще не раз будут прикрываться в те годы. В 1973 году начался обмен нарт документов, и средства массовой информации оповестили весь мир о том, что рукой Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева подписан был партийный билет за № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина; буквально на следующий день было сообщено, что партбилет за номером 00000002 вручен самому Леониду Ильичу. Вдохновителей этих «процедур» даже не смутил тот факт, что в биографии В. И. Ленина (издание 1960 года) была помещена фотография ленинского партбилета № 114482, выданного ему в 1922 году за подписью секретаря Замоскворецкого райкома (райкома, а не ЦК!). Партбилет, выданный Ленину в 1917 году и подписанный членом Выборгского райкома, учеником Ильича по партийной школе Лонжюмо И. В. Чугуриным, имел № 600. Что же касается билета № 1, то его выдали питерскому рабочему Г. Ф.

Федорову, активному участнику Октябрьской революции, в доме которого Ленин скрывался перед отъездом в Разлив. Об этом замечательном большевике можно прочитать на странице 565 50-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Популярность нового лидера партии катастрофически падала. «Трюком» с выпиской партбилета № 1 на имя В. И. Ленина и партбилета № 2 на имя Брежнева искусственно пытались доказать «преемственность» новым руководством страны ленинского курса («от Ильича до Ильича!»). Ближайшее окружение Брежнева делало все, чтобы поддерживать своего «патрона», и не кто иной, как «серый кардинал» Суслов, как его называли, предлагает осуществить ряд мер по укреплению авторитета Л. И. Брежнева, увязав это с приближавшимся 70-летием последнего. Среди прочего предусматривалось подготовить к изданию книгу «Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк». Об этом стоит рассказать особо, тем более что волею судеб мне пришлось возглавить эту работу, выполняя поручение ЦК. Рассказать хотя бы ради того, чтобы покаяться.

Однажды, когда директор Института марксизма-ленинизма был в отпуске и я как первый заместитель выполнял его обязанности, меня вдруг вызвали к тогдашнему секретарю ЦК Михаилу Васильевичу Зимянину, который ведал вопросами идеологии. В самом начале беседы мне было сказано: «Есть поручение оперативно подготовить и издать краткий биографический очерк о Леониде Ильиче Брежневе. Объем — где-то листиков 8—10. Срок исполнения — 6 месяцев». Когда зашел разговор о содержании работы, хозяин кабинета вдруг бросил фразу: «Но чтобы все было без соплей и воплей!» Честно скажу: меня эта фраза и удивила, и обрадовала. Все это не вязалось с общим тоном нашей тогдашней пропаганды, с безудержным славословием, которое процветало в то время. Очень не хотелось мне, чтобы и наш Институт участвовал в кампании по созданию нового культа. Поделился своими мыслями с Михаилом Васильевичем. Тот лукаво улыбнулся и после некоторой паузы сказал, что по всем вопросам, связанным с подготовкой и изданием рукописи, я должен буду обращаться прямо к нему или к Суслову.

Не вдаваясь в подробности, скажу лишь, что при выполнении данного нам поручения мы столкнулись с большими трудностями, поскольку не хватало материалов чисто биографического характера, — у нас в отличие от Запада такие сведения не принято было публиковать. Чтобы не попасть впросак, попросили товарищей из ЦК КПСС выслать нам

регистрационный бланк члена КПСС Л. И. Брежнева, где обозначены лишь самые краткие биографические данные. Остальное надо было скрупулезно выискивать, как это делали, например, помощники тогдашнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова, которые в конечном итоге обнаружили номер многотиражки Днепродзержинского металлургического комбината, а в нем заметку, содержащую похвалу группарторгу Леониду Брежневу. Казалось бы, не ахти какая находка, но когда Тяжельников упомянул о ней в своей речи на съезде партии, это имело «нужный» эффект… Позже появится печально знаменитая «автобиографическая» трилогия Брежнева, написанная бойкими перьями тех, кто тоже «выполнял поручение»…

Впрочем, если говорить честно, на поиски и времени-то особого не было, поэтому то, что было связано с биографией Брежнева, заняло совсем мало места. Старались больше говорить о деятельности партии, ее ЦК. Мы не усердствовали по части славословия, хотя обойтись без него не смогли, ибо на это толкал и сам жанр, характер книги. Скажу еще, что эта рукопись из-за сроков и специфики потребовала огромного напряжения сил… Работая над ней и выпуская ее в свет, мы отнюдь не претендовали на какие-либо лавры, не афишировали ее, благо работа была безымянная. Хотя кое-кто и намекал прозрачно насчет «вхождения куда следует», однако если говорить со всей откровенностью, лавров Институту это издание не прибавило. Вспоминаю, как однажды заведующий секретариатом ИМЛ принес мне эту книжицу и пояснил, что прислал ее один читатель со своими комментариями, которые помещены внутри. Освободившись от неотложных дел, я стал перелистывать присланный читателем наш многострадальный труд, и оказалось, что почти все страницы книги перечеркнуты крест-накрест цветным карандашом, а на многих страницах сделаны надписи: «Зачем выпускали?», «брехня», «чушь собачья», «Брежневу давно пора уходить. Куда он ведет и приведет страну?», «А за что, за какие же заслуги такой «золотой дождь»?», «Разве на Малой земле решился исход войны?», «Орден Победы выдается только полководцам. А какой же к черту Брежнев полководец? Все это делают лизоблюды и подхалимы из окружения Брежнева. Стыд им и позор!» И все в таком духе, а кое-где даже похлеще.

Читать это было, разумеется, неприятно, но ведь и возразить было нечего, тем более что стараниями вассалов на Брежнева в то время и действительно ниагарским водопадом низвергался золотой дождь звезд, всевозможных наград и почестей. С различных трибун, в том числе и самых высоких, звучали речи, все чаще и чаще напоминавшие заздравные тосты. Замечу к слову,

что на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК Суслов с праведным гневом клеймил Хрущева за то, что тот бесцеремонно способствовал восхвалению и возвеличиванию своей личности, что угодники все делали для того, чтобы едва ли не в каждом газетном номере публиковались его фотографии, длиннющие речи. После тирад такого рода в зале раздавались аплодисменты, и никто, конечно же, не догадывался, что пройдет время и новые угодники, в числе которых будет и сам Суслов, создавая культ Брежнева, будут действовать куда более активно и целенаправленно. Тот же Хрущев с трибуны съезда пытался хотя бы для порядка приструнить чересчур ретивых аллилуйщиков; у Брежнева не было этого даже в помыслах. Аллилуйщиков ничуть не смущало, что славословие в адрес лидера принижает роль коллективных органов партии, что наподобие яда оно медленно, но верно оказывает свое разрушающее действие.

Одним из тех, кто активно способствовал прославлению «вождя» был К; У. Черненко, отмеченный самыми высокими наградами и почестями вплоть до присуждения, правда, в Закрытом порядке, Ленинской премии за участие в… реконструкции одного из кремлевских зданий.

Коль скоро речь зашла о Черненко, скажу, что знал я его довольно хорошо по совместной работе в секторе (он им тогда заведовал) идеологического отдела ЦК. По натуре замкнутый, немногословный, он не больно-то легко открывался. О таких людях обычно говорят: «себе на уме», что в общем-то соответствовало натуре Константина' Устиновича Черненко. Добросовестный, исполнительный, службист до мозга костей, он всегда стремился и умел потрафить начальству: вовремя что-то сказать, вовремя, если сложились другие обстоятельства, промолчать многозначительно. Не будучи мастаком по части писания бумаг, умело использовал возможности других, выжимая из подчиненных ему работников максимум возможного, причем даже и в делах, не входивших в круг их прямых обязанностей. Обладал совершенно поразительным чутьем в отношении приемлемости или неприемлемости того или иного готовившегося в секторе документа, тонко и почти безошибочно угадывая конъюнктуру, требования момента.

«Голубой мечтой» Черненко был пост заместителя заведующего отделом, благо с тогдашним заведующим отделом Л. Ф. Ильичёвым у него сложились очень хорошие отношения. Мечта была близка к осуществлению, не стань Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, который, формируя свой аппарат, первым делом пригласил К. У. Черненко, чтобы предложить тому пост начальника канцелярии

Председателя. На размышление был дан всего лишь день, и именно в тот день, когда Черненко должен был дать ответ Брежневу, я зашел к нему с каким-то срочным делом. И что же я вижу? Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Отложив довольно небрежно принесенную мною бумагу, после длительной и мучительной паузы он вдруг сказал мне о предложении, которое сделал ему Брежнев. Подобный приступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях. «Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. — Но что делать? Отказаться — значит испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

Брежневу он дал согласие, хотя новый пост был для него, по существу, понижением. Значительно позже стал Черненко начальником Секретариата Президиума Верховного Совета, и таким образом его статус заметно был повышен. С уходом его из ЦК разошлись и наши пути. Честно говоря, думалось, что так он теперь и застрянет на этом новом для себя поприще, тем более что указанной должности он вполне соответствовал. И конечно же, я и представить себе не мог, какой неожиданный оборот примут события всего лишь через какие-ни- будь три-четыре года, какие перемены произойдут в жизни Черненко.

Когда Брежнев стал лидером партии и страны, уже можно было с большой долей вероятности предположить, что Черненко он переведет в ЦК и скорее всего на должность заведующего Общим отделом, поэтому назначение последнего на указанный пост у меня не вызвало, да и не могло вызвать удивления. Тогда, помню, мысль мелькнула: «Ну вот и достиг он своего потолка». Так же, вероятно, думали многие из тех, кто знал возможности Черненко. И когда того избрали секретарем ЦК, оставив одновременно заведующим Общим отделом, — даже это можно было еще как-то объяснить, понять, хотя тут уже был большой перебор. Последующий же взлет его был, что называется, фантастическим, особенно если иметь в виду его избрание Генеральным секретарем. Такое, даже с учетом наших тогдашних «порядков», никак не укладывалось в голове.

Те качества Черненко, о которых я говорил выше, позволяли ему стать среднего уровня (и то для своего времени) заместителем заведующего отделом и даже заведующим, скажем. Общего отдела, в котором он мог, повторю, проявить присущие ему качества и наклонности. На роль же главного идеолога партии, тем паче Генсека он не годился никак, не обладал для этого ни интеллектом и эрудицией, ни политическим кругозором, ни общей культурой, ни организаторскими способностями.

Вспоминаю в этой связи 1983 год, июньский Пленум ЦК КПСС, речь. Ю. В. Андропова и доклад К. У. Черненко. И речь, и доклад были подготовлены бригадами аппаратчиков при участии ученых. Однако, слушая Андропова, было ясно всем, что над подготовленным материалом он работал дополнительно, внес в него много своего, глубоко осмысленного, выношенного годами. Доклад такого впечатления не произвел, я уже не говорю о том, что «главный идеолог партии» (а Черненко тогда им числился) часто спотыкался, неправильно произносил многие слова. В кулуарах говорилось откровенно: до чего же мы дожили? Каково же было потом, когда Черненко стал лидером партии и страны!

Надо сказать, что Черненко претендовал на пост Генерального секретаря ЦК сразу после смерти Брежнева.

Выбор кандидатов на этот пост по тогдашним условиям был весьма ограничен — или Черненко, или Андропов, и объективно дело складывалось так, что вокруг них и развернулась настоящая борьба. Именно борьба, ибо не все было так просто, как это подчас изображает наша печать, упрощая сложнейшую ситуацию: «на следующий день, после того как страна узнала о смерти вождя, в Москве состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС», «на повестке дня стоял всего один вопрос — избрание нового Генерального секретаря», «накануне этот же вопрос обсуждался на экстренном заседании Политбюро, которое поручило Константину Черненко предложить участникам Пленума кандидатуру секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова», — все, повторяю, просто, но в действительности многое было совсем не так..

Хотя амбиции Черненко были абсолютно необоснованными, он имел поддержку в Политбюро со стороны тех, кого вполне устраивала обстановка бесконтрольности, всепрощенчества и вседозволенности, сложившаяся в стране, кто не желал и боялся перемен в жизни партии и общества — Кунаева, Тихонова, Романова…

Как бы то ни было, но победа, все же была на стороне Ю. В. Андропова, и только тогда Политбюро действительно поручило Черненко выступить на Пленуме ЦК, состоявшемся 12 ноября 1982 года. Его речь в основном была посвящена ушедшему лидеру, о котором он говорил как о талантливом продолжателе ленинского дела, великом и неутомимом борце за идеалы мира, как о человеке, жившем интересами общества, народа, как о выдающемся руководителе, оставившем партии и народу драгоценное наследство, о том, что нормами нашей жизни стали при Брежневе требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив,

нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества. Говорилось все это, разумеется, совершенно серьезно, возможно, даже с искренней верой в справедливость и реальность сказанного.

Что касается рекомендации на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, то она была весьма лаконичной. Для порядка назвав Юрия Владимировича ближайшим соратником Леонида Ильича, который высоко ценил его, Черненко заявил, что все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял «брежневский стиль руководства», «брежневскую заботу об интересах народа», «брежневское отношение к кадрам».

«Хорошо воспринявший брежневский стиль» Ю. В. Андропов, став Генсеком, действовал вопреки этому «стилю». Черненко, вынужденный мириться с тем, что произошло, как видно, не оставлял надежд стать при соответствующем стечении обстоятельств Генсеком. После Андропова он считался вторым человеком в руководстве, но именно считался. Вот весьма характерный эпизод той поры. Будучи как-то в ЦК, я встретил в коридоре одного из его помощников. Тот попросил меня зайти к нему, благо встретились мы возле его кабинета. Видя, что он не в духе, я задал ему вопрос: «Вы чем-то расстроены?» — а в ответ услышал, что, да, расстроен, но еще больше расстроен «шеф», который на несколько дней раньше срока вышел из отпуска, чтобы принять участие в крупном совещании, а Андропов, встретив его, заявил: у тебя еще отпуск, так что ты догуливай его, а совещание мы проведем без тебя. Когда же Черненко заметил, что из-за этого совещания он прервал отпуск, торопился в Москву, Андропов ему бросил: ладно, мы подумаем. Рассказав мне это, помощник присовокупил: ведь Андропов очень больной человек, зачем он стремился на этот пост, ему надо бы подать в отставку. Я, конечно, понял, что слова эти не его, а его шефа. Про себя же подумал, что Черненко тоже не может похвастаться здоровьем, а что касается его личных качеств, то с Андроповым ему, конечно же, тягаться не под силу… Добавлю еще, что упоминавшееся выше совещание (мне довелось на нем быть) открыл краткой вступительной речью не Черненко, а М. С. Горбачев.

Самое время сказать о Юрии Владимировиче Андропове. Несомненно, по своим качествам он стоял несравненно выше Брежнева, и отнюдь не случайно, что после октябрьского Пленума, как об этом уже сообщалось в печати, именно он, а никто другой, предложил наиболее емкую, четкую программу действий. Программа эта была более последовательной, чем при

Хрущеве, опиралась она на линию XX съезда партии. В нее были включены такие пункты, как экономическая реформа, переход к современному научному управлению, развитие демократии и самоуправления, сосредоточение партии на политическом руководстве, прекращение гонки вооружений, ставшей бессмысленной, и, наконец, выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии.

К сожалению, эти меры, назревшие, продиктованные общественным развитием страны, не встретили понимания ни у Брежнева, ни у Косыгина, ни у других влиятельных в то время членов Политбюро. Результатом предпринятого Андроповым шага стало перемещение его самого на пост Председателя КГБ, что устраивало и Суслова, который подозревал Андропова в том, что тот метит на его место, и одновременно Брежнева, стремившегося иметь во главе КГБ верного человека, чтобы обезопасить себя от той «шутки», которую сыграли с Хрущевым. Для большей верности он держал при Андропове в качестве первых замов и соглядатаев своих верных людей — земляка Цинева и уже упоминавшегося Цвигуна.

Несмотря на тяжкую болезнь, Ю. В. Андропов, став Генсеком, внес весомый вклад в работу ЦК партии по преодолению тех трудностей, с которыми столкнулась страна. Наш народ воздает ему должное за все то доброе, что сделано им в интересах партии и государства, за умение мыслить широко и масштабно, за высокую принципиальность, требовательность и личную порядочность. Но Ленин учил нас видеть у тех или иных деятелей как достоинства, так и недостатки и слабости, как плюсы, так и минусы. Что же касается Ю. В. Андропова, то с него, по моему глубокому убеждению, никак нельзя снимать политическую ответственность не только за застойные явления в стране в «эпоху Брежнева», но и за серьезные недостатки, промахи и даже срывы в работе Комитета государственной безопасности, который он возглавлял много лет. Да, на этой должности Ю. В. Андропов много делал для улучшения деятельности КГБ, но вместе с тем, к великому сожалению, верно и то, что именно тогда началась в стране «охота на ведьм», усиленно создавался образ врага, применялись непомерно суровые методы борьбы против инакомыслящей интеллигенции. Именно в те годы шла во многих случаях неоправданная «утечка мозгов» за рубеж. В борьбе с инакомыслием КГБ вкупе с другими ведомствами применял порой совершенно дикие по своему характеру и формам методы, Чего стоит уничтожение выставки художников-нонконформистов в семьдесят четвертом году в Москве, когда в ход пустили бульдозеры? Кстати, по сообщению «Правды», организатор этой

печальной памяти выставки А. Глезер, оказавшись на Западе, создал в Париже и Нью-Йорке два музея русского современного искусства, а теперь, глубоко сочувствуя начатым на его вынужденно покинутой родине преобразованиям, объявил о создании «Международной ассоциации интеллигенции в пользу перестройки», обещает передать 300 полотен, из которых 50 принадлежат ему лично, в будущий музей современного искусства в Москве…

Никуда не уйдешь и от прискорбного факта, что конец 60-х, все 70-е и начало 80-х годов ознаменовались у нас в стране широкой кампанией по борьбе с так называемыми диссидентами, или «узниками совести», чьи высказывания объявлялись клеветой на советский общественный строй. Судебными процессами, тюремным заключением и ссылкой дело, однако, не ограничивалось. Для усмирения инакомыслящих использовались психиатрические больницы, куда направляли совершенно здоровых людей. Так было, например, с героем Великой Отечественной войны, ныне покойным генералом Петром Григорьевичем Григоренко, с известным ученым-биологом Жоресом Медведевым, проживающим ныне в Англии и издавшим несколько книг, вызвавших большой интерес зарубежных читателей. К слову сказать, популярный ныне историк Рой Медведев, родной брат Жореса, давно уже и широко известный на Западе своими произведениями, издававшимися там, долгие годы «ходил» в тунеядцах и диссидентах. Любопытный факт: Ю. В. Андропов, в бытность свою секретарем ЦК КПСС, не только не осудил, как об этом сообщает сам Р. А. Медведев в газете «Московские новости» от 12 февраля 1989 года, его работу над книгой «Перед судом истории», но и советовал продолжать ее. Однако, став вскоре Председателем КГБ, Андропов передал Медведеву свое пожелание продолжать начатое исследование, но не издавать рукопись за рубежом, ибо в противном случае против того будут приняты меры, а он, Андропов, не сможет ему помочь. Медведев не внял совету, и свой первый большой труд, посвященный Сталину и сталинщине, издал в США, после чего был исключен из партии за «клевету на советский общественный строй». Гришин тогда заявил на бюро горкома: «У нас теперь иное отношение к Сталину». После смерти Ю. В. Андропова целых полтора года три офицера КГБ следили за квартирой Медведева, проверяли каждого, кто туда входил.

Замечу также, что Рой Медведев, сам того, возможно, не подозревая, оказался человеком, по вине которого пострадал в 1982 году житель Сочи

А. П. Чурганов, приговоренный коллегией Краснодарского

краевого суда к шести годам лишения свободы; в числе самых «страшных» обвинений было и такое: «С целью подрыва и ослабления Советской власти, сблизившись с жителем г. Москвы Роем Медведевым, получал от него печатные произведения, издаваемые за рубежом…»

Беспрецедентной мерой борьбы с инакомыслием в послесталинское время была ссылка без суда и следствия. Так был сослан в Горький «главный диссидент» академик Андрей Дмитриевич Сахаров, что одновременно сопровождалось кампанией клеветы в его адрес, когда публиковались разного рода «протесты» писателей, композиторов, рабочих. В числе прочих было и составленное в тиши кабинетов «обличительное» письмо под заголовком «Когда теряют честь и совесть» («Правда», 29 августа 1973 г.), подписанное сорока академиками, проявившими малодушие и не решившимися, как это сделал, скажем, академик

В. Гольдадский, выступить в защиту Сахарова. Письмом дело не кончилось. Были предприняты упорные попытки добиться исключения Сахарова из Академии наук СССР, но к чести большинства академиков и к неудовольствию организаторов травли эта попытка была сорвана. Остается только сожалеть, что Академия не смогла защитить выдающегося ученого и честного человека от притеснений, унижений и надругательства над его именем; иначе чем надругательством нельзя, на мой взгляд, назвать и книгу «ЦРУ против СССР», автор которой Н. Яковлев обливал грязью известного всему миру ученого.

Масштабы репрессий тех лет не идут, конечно же, ни в какое сравнение со сталинскими. Но одно то, что происходило это после XX и XXII съездов партии, не может не поражать. Нет никакого оправдания тому, что после «оттепели» подули холодные ветры. Повинны в этом, конечно, не только работники КГБ и его руководители, хотя, несомненно, их вклад был немалым. И здесь я не могу не согласиться с А. Д. Сахаровым, который пишет, что, с одной стороны, органы КГБ благодаря своей элитарности оказались почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии, а с другой — встали на путь безжалостного преследования инакомыслящих. Противоречие это и двойственность, по мнению Сахарова, несомненно, отразились и на личной судьбе, и на позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. В самом деле, не дай в свое время Андропов сильный импульс в деле разоблачения коррупции, организованной преступности наших доморощенных мафиози, могло и не появиться ни «узбекских», ни «краснодарских», ни «московских» громких дел. Как признают

сами следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР, участие КГБ в ходе следствия сыграло решающую роль, например, в деле небезызвестного Трегубова, который, пользуясь покровительством Гришина, многие годы совершал тягчайшие преступления.

Но, с другой стороны, и об этом справедливо пишет в «Огоньке» А. Головков (№ 4, 1989 г.), именно работники КГБ в эпоху Брежнева буквально стряпали «дела» некоторым истинным патриотам, проводили их через суды, «подчиняющиеся только закону», отправляли на муки мученические в колонии строгого режима и ссылки. Там такие же «служители Закона» всячески глумились над заключенными, по надуманным поводам создавали новые «дела», что влекло для заключенных новые сроки и новые муки. Доводя людей "о полного отчаяния, заставляли их «раскаиваться» в грехах и преступлениях, которых те не совершали: эти сюжеты показывали по Центральному телевидению, статьи о «прозрении» публиковались в газетах. «Метода», как видим, очень смахивает на ту, что применяли сталинские опричники. Правда, говоря об одном из украинских следователей — майоре КГБ Зинченко, автор замечает, что он человек вежливый, неглупый, непохожий на бывалых садистов из НКВД. Но этот «вежливый» и «неглупый» сфабриковал дело на не повинного ни в чем человека — преподавателя средней школы В. И. Беликова, который сравнил брежневский режим с ракетой, потерявшей управление. К 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки был он приговорен коллегией Киевского суда. Такая же участь постигла «особо опасных преступников» — майора запаса Ф. Ф. Анаденко и под- полковника В. С. Волкова, вся вина которых заключалась в том, что они послали в редакцию «Правды» статью, в которой просили ответа на вопрос о происхождении культа личности Сталина, обращая при этом внимание на «медлительность возвращения к ленинским принципам». И только постановлением Пленума Верховного суда от 27 сентября 1988 года они оба были полностью реабилитированы, приговор киевского городского суда и все последующие решения в отношении их отменены, а «дела» прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления…

Все эти противоречивые факты относятся опять же к тому периоду, когда go главе КГБ стоял не кто иной, как Ю. В. Андропов. Когда связываешь все 9то с его именем, то невольно думаешь: как этот человек, с его высокими принципами, справедливо считавший, что необходимо более последовательно проводить курс XX съезда партии, вдруг сам выступает в роли

гонителя тех, кто осмелился поднять наболевшие проблемы политической, религиозной, национальной жизни, свободы творчества. Наиболее убедительное объяснение, на мой взгляд, в том, что находился он под сильным давлением сверху, особенно со стороны таких деятелей, как Суслов, хотя, повторяюсь, это ни в коей мере не снимает ответственности и с самого Андропова.

Мне особенно больно писать обо всем этом, так как я искренне уважал Ю. В. Андропова. Замечу, к слову, что свое отношение к нему автор этих строк выразил в статье «Жизнь, отданная народу», опубликованной 15 июня 1984 года в «Правде» в связи с 70-летием Ю. В. Андропова, хотя в то время во- главе партии и страны находился человек, который, выражаясь деликатно, сильно недолюбливал последнего. Но факты есть факты и не замечать их нельзя.

Коль скоро зашла речь об органах государственной безопасности, хочу затронуть ряд моментов, связанных уже с нынешним временем. Решительно не согласен с теми, кто считает, что обнародованные факты (а их наверняка будет обнародовано в будущем еще больше) чудовищных сталинских беззаконий и массовых репрессий, истребления миллионов невинных людей кладут пятно не только на все чекистские кадры того времени, но и на нынешний состав работников КГБ безотносительно к тому, когда пришли они в органы и как себя проявили. Всякого рода обобщения вредны, а потому недопустимы. Другое дело, что от работников КГБ — и руководящих, и рядовых — советские люди вправе требовать активного участия в анализе того, что было связано с вопиющим цроизволом, попранием социалистической законности и массовыми репрессиями, того, что органы госбезопасности вышли из-под контроля и были поставлены над партией и государством. Только тогда мы сможем извлечь необходимые уроки из прошлого, выработать и создать прочные гарантии, которые исключат произвол и беззакония.

К сожалению, долгое время работники КГБ отмалчивались. Их выступления в печати стали появляться лишь в самое последнее время. Причем не всегда достаточно самокритичные, а зачастую с налетом старых подходов и стереотипов. Почему, например, критика в наш адрес со стороны Запада, когда речь заходит о соблюдении хельсинкских соглашений, касающихся гуманитарных проблем, расценивалась до самого последнего времени как вмешательство в наши внутренние дела? В журнале «Коммунист» (№ 13, 1988) опубликована замечательная, глубоко аналитическая статья сотрудника КГБ В. Рубанова «От культа секретности — к информационной культуре». Единственно, на

мой взгляд, чего в ней не хватает — так это самокритичности: ведь именно органы KFB сыграли решающую роль в том, что наряду с разумными и обоснованными мерами по охране государственных и военных тайн засекречено было заодно и то, что секретами не является и не может ими являться, а это наносило немалый ущерб обществу.

Что касается сталинщины, тяжелейшим и наиболее трагическим проявлением которой явилась свирепая, зачастую палаческая и совершенно бесконтрольная деятельность органов госбезопасности, то об этом говорится, как правило, в общей форме, а зачастую дается неточная квалификация и событий прошлых лет, и зловещей роли КГБ в этих событиях. Газета «Аргументы и факты» (№ 52, 1988 г.) опубликовала материал под рубрикой «КГБ СССР сообщает и комментирует» о партийной конференции Комитета госбезопасности, в котором сказано, что на конференции речь шла «и об ошибках, издержках прошлого». О каких «ошибках» и каких «издержках», если сами авторы публикации ведут ниже речь о массовых репрессиях периода культа личности (не называя почему-то Сталина), «унесших сотни тысяч жизней ни в чем не повинных людей, в том числе и чекистов».

Верно, конечно, что были среди репрессированных и чекисты. 20 тысяч, как сообщается в прессе, среди которых были высокопрофессиональные работники, выдающиеся разведчики, беззаветно преданные партии коммунисты. Верно и то, что как среди погибших, так и среди оставшихся в живых чекистов были и такие, кто, рискуя не только должностью, положением, но даже самой жизнью, делал максимум возможного, чтобы облегчить участь невинных людей, а порой даже спасал их от верной гибели. Так мы узнали о том, что именно чекист предотвратил арест Михаила Шолохова и тем самым спас ему жизнь. Еще вспоминаю такой факт: в декабре 1969 года редакция «Правды» подготовила закрытый обзор откликов на статью, посвященную 90-летию со дня рождения И. В. Сталина, среди которых упомянуто было письмо волгоградца К. И. Флуга, который писал: «Я — один из тех, кто является невинной жертвой кровавого Джугашвили… Провел двадцать два года в тюрьмах, лагерях и ссылках вплоть до реабилитации в 1955 году… И если бы не настоящие коммунисты, которые встречались среди работающих в ГУЛаге, моя гибель, как и сотен моих товарищей по несчастью, была бы неминуемой».

Все это так, и разговор этот можно вести долго. Однако среди чекистов было великое, великое множество больших и маленьких ежовых, ягод, евдокимовых, Меркуловых, хватов и кабуловых,

настоящих палачей и садистов; многие из них, как, например, бывший следователь НКВД, а ныне «ученый муж» Боярский или тот же пресловутый Хват преспокойно доживают свои дни в ведомственных домах, получая пенсию…

«Мы понятия не имеем о том, чем занимаются в плане внутренней политики люди, работающие в огромных зданиях КГБ, — выступает в «Огоньке» (№ 50, 1988 г.) ученый Л. Баткин. — Я ничего не слышал о сокращении этого аппарата. Он работает! Над чем? Какие у него задачи внутри страны? Демократизация и гласность, по-моему, означают, что объем таких задач резко сужается и, следовательно, должно происходить сокращение аппарата. Предвидится ли оно?».

«Поражает мое воображение и великолепие нового здания на Лубянке. Зодчий создал архитектурный образ большой впечатляющей силы», — делится своим мнением читатель «Огонька» (№ 39, 1988 г.). Это о новом здании КГБ, чо ведь несколько раньше та же организация выстроила для себя такое же, если не более величественное здание. Его возведение началось одновременно со строительством здания Министерства обороны на Арбатской площади. Создавалось впечатление, что два эти ведомства как бы соревнуются друг с другом в размахе строительства. Победителем вышел КГБ; в дальнейшем он вообще оставил родственное ведомство далеко позади, за короткий срок выстроив тот самый дворец, о котором пишет «Огонек». Замечу, что буквально напротив этого «дворца» находится здание знаменитого Политехнического музея, своего рода реликвии Москвы, которое давным-давно уже требует капитального ремонта. У музея, как пишет пресса, нет специальных хранилищ, он десятилетиями «эксплуатирует» существующие экспозиции, хотя располагает богатейшими архивами и фондами редких книг, недоступных пока из-за тесноты для широкого использования и изучения. Из-за аварийного состояния кровли утрачен известный всей стране Большой зал Политехнического музея, где выступали В. И. Ленин, А. В. Луначарский, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, Н. Б. Жуковский, С. И. Вавилов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин. Специальным постановлением Совмина СССР Политехнический музей официально объявлен Головным музеем истории науки и техники СССР, но при нынешнем состоянии он не может выполнять возложенные на него задачи. Почему бы Комитету государственной безопасности не помочь музею, передав своему соседу «архитектурный образ большой впечатляющей силы»? Это был бы не просто красивый, а главное, необходимый и обоснованный жест, тем более что КГБ, если судить по возведенным новым зданиям, не приходится жаловаться на

тесноту, и к тому же вопрос этот прежде всего политический. Почему даже в сталинские времена КГБ «обходился» старым зданием на Лубянке, а теперь, в эпоху демократизации, вдруг стало тесно и надо так сильно расширяться? Я уж не говорю о том, какой острейший характер приобрела в Москве жилищная проблема, как нелегко живется нашим музеям — не только Политехническому, но и музеям В. И. Ленина, Третьяковской галерее, истории Москвы, Библиотеке имени В. И. Ленина… К слову сказать, при Хрущеве было законсервировано строительство здания правительства и Верховного Совета РСФСР, некоторые другие объекты — ресурсы перекинули на сооружение жилья, на неотложные нужды Москвы. А разве сейчас острота этой проблемы снижена?..

В своих публичных выступлениях — письменных и устных — люди самых различных профессий резонно замечают, что КГБ живет некоей самостоятельной, ни от кого не зависимой жизнью, что отсутствует социальный институт контроля за его деятельностью, что нет какой бы то ни было действительной отчетности перед обществом. В самом деле, ведомство это остается и ныне, пожалуй, единственной закрытой или почти закрытой зоной. А ведь это противоречит ленинским традициям. Как известно, вскоре после создания Всероссийской чрезвычайной комиссии ЦК РКП(б) признал целесообразным создать специальную комиссию под председательством В. И. Ленина для выработки мер по усилению контроля партии и Советского правительства за деятельностью ВЧК, укреплению революционной законности. Поводом для подобного решения явились аресты людей по ложным доносам. ВЧК было предложено строго, вплоть до расстрела, наказывать за ложное доносительство. Позднее В. И. Ленин ставил вопрос о необходимости «выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности» и в связи с этим «подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими…» Это положение имело принципиальную важность, и легло оно в основу решения IX съезда Советов, признавшего необходимым сузить круг деятельности ВЧК и ее органов, а также принятого 6 февраля 1922 года Постановления ВЦИК об упразднении ВЧК. В задачу созданного на ее базе Главного политуправления при НКВД (ГПУ) уже не входили судебно-следственные функции. Наркомат финансов, который возглавлял революционер-ленинец Г. Я. Сокольников, бывало, что и урезал ассигнования на органы безопасности, и подобный подход был нормой. Однажды в разговоре с Ф. Э. Дзержинским он, говоря о том, что надо

экономно расходовать народные деньги, высказал очень любопытное соображение: «Спрос рождает предложение. Чем больше средств получат ваши работники, тем больше будет дутых дел. Такова специфика вашего весьмаважного и опасного учреждения». Впоследствии работники органов взяли «реванш» у Сокольникова: в ряду других соратников В. И. Ленина он был уничтожен…

Сегодня же, когда ширится и углубляется процесс демократизации общества, как никогда важны гарантии неповторения ошибок прошлого. Стоит вопрос о постоянном контроле за деятельностью КГБ — партийном, государственном,

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 44, с. 328–329.

Уточним для ясности вопрос о руководстве партии работой КГБ. Не будучи осведомлен насчет того, как руководит и контролирует работу Комитета ЦК, его коллегии, аппарат, могу лишь отметить, что на съездах партии о работе органов госбезопасности речь идет лишь в самой общей форме и, как правило, в позитивном плане, если, конечно же, исключить XX и XXII съезды. На пленумах ЦК вообще не доводилось об этом слышать. Что касается местных партийных органов, то как человек, которому довелось быть и первым секретарем райкома и горкома КПСС и вторым секретарем ЦК компартии союзной республики, скажу одно: руководители органов госбезопасности информировали о своей деятельности преимущественно первых секретарей соответствующих партийных комитетов, причем нередко по принципу ноль пишем, два на ум берем… В определенной степени работники комитета были связаны и с секретарями, курировавшими отдел административных органов, но после того как Л. И. Брежнев стал лично курировать этот отдел, многие первые секретари местных партийных комитетов — Последовали его примеру. Ни на бюро, ни тем более на партийных пленумах вопросы, входящие в компетенцию органов КГБ, как правило, не обсуждались. Какой же это контроль?

Во времена Хрущева председатель КГБ не входил в состав Политбюро ЦК. При Брежневе эта практика была отвергнута, и руководитель КГБ Ю. В. Андропов вскоре стал кандидатом, а затем и членом Политбюро ЦК, хотя, скажем, министры обороны в последние десятилетия далеко не всегда удостаивались этой чести. Более того, кроме председателя КГБ в состав ЦК КПСС входили (и входят) несколько его заместителей, чего вообще не было никогда, даже при Сталине.

Мне рассказывали сведущие люди о том, что при Хрущеве поднимался вопрос об упорядочении положения с личной охраной центрального руководства, но Суслов и некоторые

другие решительно воспротивились этому. Разумеется, никто не берет под сомнение необходимость охраны для первых лиц, а тем более лидера партии и страны. Во всех остальных случаях необходимо, как мне представляется, сохранять чувство меры, и уж, конечно же, вряд ли следовало вводить вновь охрану руководителей республиканских партийных органов.

Конечно, многое зависит от самого руководителя. Довелось однажды отдыхать в подмосковном санатории, когда были там на лечении А. Н. Косыгин и только что избранный секретарь ЦК, бывший до этого одним из многочисленных помощников Брежнева. И что же? Секретарь, упиваясь собственным величием, с угрюмым выражением лица гулял по территории санатория (по существу, закрытого) в сопровождении двух телохранителей, а глава правительства тем временем прогуливался с министрами и знакомыми ему работниками, ведя оживленную, непринужденную беседу, которую пересыпал шутками и смехом. Аналогичную картину наблюдал я много лет назад и в кисл. оводском санатории «Красные камни». А. Н. Косыгин и А. Н. Шелепин (оба — члены Политбюро) запросто и охотно общались с отдыхающими, зато прибывший вслед за ними П. Е. Шелест, который был тогда первым секретарем ЦК КП Украины, мало того, что расположился на государственной даче по соседству с санаторием (это, собственно, тогда и не удивляло), но и привез с собой немалую свиту.

Даже по территории санатория он ходил в сопровождении охраны, вел себя по- барски.

А разве не выглядит в наше время анахронизмом охрана домов и подъездов, в которых живут члены центрального руководства и опять-таки не первые лица? Круглосуточно, даже когда «опекаемые» не находятся дома, фланируют вокруг офицеры в штатском, получая за это, кстати сказать, немалую зарплату. И уж тем более недоумеваешь, узнав, что обслуживаются даже бывшие члены руководства и их семьи…

Работа КГБ нуждается в обновлении, но это может во многом остаться благим пожеланием, если не будет Закона о государственной безопасности, который четко очертит рамки деятельности этой организации. Только закон, только строжайший контроль, гласность и демократизация гарантируют и чекистов, и всех нас от рецидивов трагических явлений давнего и недавнего прошлого.

Сделав это отступление, вернусь к вопросу, ради которого взялся за эти заметки, — о политической ответственности тех, кто был в ближайшем окружении Брежнева, и особо выделю период, когда закатывалась брежневская эпоха и неизбежно возник вопрос

о преемнике лидера, который, правда, был лидером уже чисто формально, символически…

Газета «Известия» в номере за 12 октября 1988 года опубликовала любопытное, на мой взгляд, письмо читателя М. Сандлера из Йошкар-Олы, в котором сказано: в газете много публикаций о Сталине, однако более близкую к нам историю она освещает слишком робко. Как могло случиться, задает вопрос читатель, что смертельно больной Черненко стал Генеральным секретарем и мы тут же всеми силами ринулись искать погранзаставу, где он служил? «Трудно, — продолжал он, — об этом писать, но надо, если мы хотим, чтобы в гласность поверили до конца».

Чтобы в гласность поверили до конца, сказать надо о многом.

О том, например, что в «брежневскую» эпоху вошло в практику сооружать бюсты руководящим работникам, удостоенным дважды звания Героя Социалистического Труда, не на «родине Героя», как предусмотрено Указом о награждении, а преимущественно в республиканских, краевых, областных центрах или на худой конец в ближайшем от места рождения городе. Дело иногда доходит до конфузов с политической окраской. Наглядный пример — история с установлением бюста М. С. Соломенцеву, который, кстати говоря, работал в свое время в Казахстане вторым секретарем ЦК, но после одной пикантной истории был вынужден срочно ретироваться из республики. Впрочем, в обиду его не дали, и не кто иной, как Брежнев, помог ему переместиться на пост первого секретаря Ростовского обкома партии, откуда тот перебрался в конце концов в Москву.

Теперь о бюсте «на родине Героя». Родился М. С. Соломенцев в селении, расположенном на некотором расстоянии от старинного Ельца, входящего ныне в состав Липецкой области. Именно в Ельце в разбитом специально и хорошо благоустроенном сквере и соорудили ему бюст, который был выполнен Л. Е. Кербелем, кстати, автором памятников Карлу Марксу и В. И. Ленину… Выбором места, разбивкой сквера и установлением бюста руководил один из помощников Соломенцева, который бывал тут неоднократно. Не случайно все было сделано на самом высоком уровне. Правда, не была учтена «мелочь» — то, что расположенная по соседству со сквером площадь Ленина и установленная на ней скульптура вождя находились в самом плачевном состоянии. В различные инстанции, в том числе и центральные, пошли от горожан гневные письма, после чего срочно пришлось принимать меры: заказывать новую скульптуру Ленина, приводить в божеский вид площадь, хотя она и по сей день явно уступает скверу, где стоит

бюст Соломенцева. До недавнего времени на территории, примыкающей к скверу, даже движение транспорта было запрещено…

Никогда не забуду отвратительные политические шоу, которые разыгрывались в те дни, когда Черненко уже одной ногой стоял в могиле. В ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР велись передачи из загородной больницы — на всю страну демонстрировали К. У. Черненко, который опускает бюллетень в избирательную урну, получает через несколько дней временное удостоверение о его избрании депутатом Верховного Совета, читает благодарственную речь, которую его заставили читать, и было видно, чего ему стоило все это. Организатором этих нелепейших акций был В. В. Гришин, бывший первый секретарь МГК КПСС, претендовавший на пост Генсека. Именно ему, а не Черненко нужны были эти шоу, которые срамили и позорили нас на весь мир, порождали насмешки и злые анекдоты. Заставлять смертельно больного позировать перед телекамерами — что может быть нелепее и кощунственнее! Но чего не сделаешь ради своей карьеры, ради заманчивой перспективы стать первым в партии и стране!..

Вспоминая и анализируя все эти факты, осмысливая свой жизненный опыт, я часто задумываюсь: как же сделать, чтоб не повторилось прошлое? Конечно, крайне важно сломать старый механизм торможения, покончить с накопившимися заводями безнравственности, лжи и лицемерия, возродить забытые, а порой сознательно отвергнутые во времена сталинщины и брежневщины ленинские идеи и нормы партийной и государственной жизни. Важнейший урок и гарантия необратимости благотворных процессов перестройки, на мой взгляд, в том, чтобы с помощью демократических механизмов и структур начисто исключить такое положение, при котором судьбы партии и народа, как это было в недалеком прошлом, определялись бы всякого рода случайностями, эгоистическими интересами консервативных сил в руководящем ядре партии, далекими от интересов общества и находящимися в вопиющем противоречии с ленинскими принципами партийной и государственной жизни.

Впрочем, эта тема требует отдельного разговора.